

Тартуский университет
Философский факультет
Институт германской, романской и славянской филологии
Отделение славянской филологии

ЯЗЫКОВЫЕ ДАННЫЕ
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОВОРОВ
СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ПРИЧУДЬЯ
(расшифровки и комментарии к текстам из архивов)

Бакалаврская работа
Александры Потапченко

Научный руководитель –
О. Н. Паликова, PhD, лектор

Тарту 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
 Глава 1. Русское население Западного Причудья и его говор	6
1. Русское старожильческое население Западного Причудья	6
2. Специфика лексики старообрядческих говоров	7
3. Влияние эстонского языка на говоры Западного Причудья	8
4. Особенности говора старообрядческого населения Западного Причудья	9
5. Источники диалектного материала: словари и архивы	12
5.1. Словари	13
5.2. Методы сбора диалектного материала	16
6. Источники диалектного материала для изучения говоров старожильческого населения Западного Причудья	18
6.1. Архив Эстонского литературного музея	18
6.2. Картотека Псковского областного словаря	18
6.3. Архив аудиозаписей лаборатории экспериментальной фонетики Тартуского университета	19
6.4. Рукописный архив кафедры русского языка Тартуского университета	20
6.5. Словари говоров старожильческого населения Западного Причудья	20
 Глава 2. Расшифровка и комментарии к одной записи диалектной речи из архива Лаборатории экспериментальной фонетики ТУ	22
2.1. Расшифровка диалектной записи	22
2.1.1. Расшифровка первой записи	22
2.1.2. Расшифровка второй записи	28

2.2. Лингвистический комментарий к расшифровкам	37
2.2.1. Фонетика	37
2.2.2. Словообразование	40
2.2.3. Морфология	40
2.2.4. Синтаксис	42
2.2.5. Лексика	43
2.3. Дialeктные лексемы и поремии из архивных источников Литературного музея	45
Заключение	51
Литература	53
Kokkuvõte	55
Приложение. Фотокопии некоторых архивных источников диалектного материала из Литературного музея	56

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена языковым данным для исследования говоров старожильского населения Западного Причудья и включает расшифровку и комментарии к записи диалектной речи одного информанта, содержащейся в архиве Лаборатории экспериментальной фонетики ТУ. Старожильские говоры населения Западного Причудья достаточно давно (примерно с 1960-х гг.) изучаются в Тартуском университете, так как в Эстонии проживает большая группа русского старожильского населения, кроме того, диалектные материалы — источник важной информации для понимания развития русского языка.

Интересно исследовать эти говоры более подробно, сравнить их с современным русским литературным языком, выявить их диалектные особенности как на уровне фонетики, морфологии, словообразования и синтаксиса. В качестве источников для исследования говоров Западного Причудья можно использовать, например, материалы, находящиеся на кафедре русского языка славянской филологии Тартуского университета, а также материалы, которые хранятся и в других местах. Цель работы заключается в том, чтобы составить полный перечень источников диалектного материала для изучения интересующих нас говоров, а также найти и прокомментировать неописанный ранее источник.

Задачи, которые необходимо выполнить, следующие:

- ознакомиться с литературой, посвященной истории, культуре и говорам старожильского населения Западного Причудья;
- дополнить имеющиеся на кафедре русского языка Тартуского университета диалектные материалы указаниями на другие источники того же языкового материала;
- сделать расшифровку ранее не исследованной записи говора староверов и дать лингвистический комментарий к этой записи.

Работа состоит из двух глав. Первая глава является теоретической базой нашей работы. В начале главы приводится краткое введение в историю образования причудской группы староверов, а также реферируется описание фонетических, морфологических и синтаксических особенностей говора этой группы русского

старожильческого населения Эстонии. Кроме того, в первой главе рассматриваются такие источники диалектного материала как словари и архивы, а также методы сбора диалектного материала. В конце главы (раздел 6) перечисляются источники языковых материалов по говорам старожильского населения Западного Причудья.

Вторая глава работы включает расшифровку двух аудиозаписей диалектной речи жительницы острова Пийриссаар, сделанных в 1977 году и хранящихся в Tartu Ülikooli eesti murrete ja sugulaskeelte arhiiv по адресу http://www.murre.ut.ee/arhiiv/naita.php?t=audio_trakk&id=1843. По договоренности с лабораторией текст расшифровки и текст данной бакалаврской работы будут размещены на сайте архива (Tartu Ülikooli eesti murrete ja sugulaskeelte arhiiv).

Расшифровка аудиозаписи сопровождается диалектным комментарием, составленным с учетом описания говора, сделанного О. Г. Ровновой в статье «О современном языке староверов Западного Причудья» [Ровнова 2004]: мы постарались выявить все диалектные особенности речи информантки на различных языковых уровнях, а также, по возможности, дополнить имеющиеся материалы по говорам староверов на уровне лексики. Задаче пополнения лексического и фразеологического материала по говорам посвящен последний раздел второй главы: расшифровка диалектных паремий из архивных источников Литературного музея (Тарту)

Во время работы в Литературном музее мы сделали фотографии имеющихся там материалов по говорам староверов (с разрешения работников музея). Всего таких фотографий было сделано 496, и все они размещены в дигитальном архиве кафедры русского языка ТУ (`flve(\\raud.ut.ee\\fl)` (V:), папка 00.potapcenko_foto_arhiv_LITERATURNYJ_MUZEJ) для того, чтобы обеспечить к ним доступ исследователям, работающим на кафедре. В приложении к работе также помещены фотокопии некоторых архивных источников диалектного материала из Литературного музея (Тарту).

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
ЗАПАДНОГО ПРИЧУДЬЯ И ЕГО ГОВОР

1. Русское старожильческое население Западного Причудья

Русское старожильческое население Западного Причудья — это сравнительно поздняя группа населения Причудья, ее основу составляют выходцы из соседних губерний России, по конфессиональной принадлежности большей частью старообрядцы (староверы, раскольники).

Возможно, на диалектные особенности языка данной группы повлияло множество факторов:

- старообрядческая идеология;
- уклад жизни представителей различной религиозной принадлежности (староверы, православные);
- культура и быт;
- влияние эстонского языка.

До середины XX века исследованию окраинных групп русского населения уделялось довольно мало внимания. Русские западного Причудья становятся объектом серьезного научного исследования лишь в 1950–1960-е годы, так как становление этнографии как науки в Эстонии приходится на начало 1920-х годов [Рихтер 1976:7]. В это время в качестве фольклористов начинают привлекаться студенты Тартуского университета. Собранный ими материал по народному творчеству, обрядам и верованиям хранится в Тарту, в Русском фонде фольклорного архива Государственного литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда (сейчас: Eesti Kirjandusmuuseum).

В 1940 году Эстонским народным музеем было запланировано этнографическое изучение русских Причудья, но осуществлению этого помешала начавшаяся в 1941 году война. В послевоенные же годы этнографическая работа вновь широко развернулась. Собранные в тот период данные показали, что

господствующее в науке мнение об изолированности староверов не является достоверным и не соответствует действительности [Рихтер 1976: 8].

В дальнейшем, в послевоенные десятилетия, население западного Причудья неоднократно привлекало к себе внимание различных исследователей, но многие стороны культуры и быта до сих пор до конца не изучены.

Русское население западного побережья Чудского озера представляет своеобразную группу, которая складывалась на протяжении примерно ста лет из переселенцев, разнородных по месту выхода и конфессиональной принадлежности.

Ядро ее составили спасавшиеся от церковных преследований староверы и бежавшие от помещичьего гнета крепостные.

По словам Е. В. Рихтер, писавшей о Причудье в 1970-х гг., «отмечается повсеместное ослабление религиозной идеологии, в том числе и старообрядческой. Наиболее существенным показателем отхода от религиозных норм, наряду с всеобщим светским образованием и устойчивыми социальными связями нового типа, является признание обществом гетерогенных браков, что означает, по существу, глубинное изменение в психологии людей, разрушение рамок религиозной общины» [Рихтер 1976: 283]. Однако старообрядческие общины в Западном Причудье сохранились до сих пор, хотя некоторое ослабление религиозной жизни, несомненно, наблюдается.

2. Специфика лексики старообрядческих говоров

Как указывает исследователь старообрядческих говоров Житомирщины и Латгалии Т. Лёнгрен, одна из специфических особенностей лексики говоров старообрядцев — это ее слабая проницаемость. Другая исследовательница старообрядцев, С. Е. Никитина, также говорит, что «в каком бы иноязычном окружении ни жили старообрядцы — в Польше, в Латвии или в Турции, они с удивительной стойкостью сохраняли свою культуру и языковую самобытность, ограничиваясь минимумом неизбежных заимствований» [Никитина 1993: 42].

Как пишет в своей работе Т. Лёнгрен, названия реалий заимствуются из языка соседей лишь в том случае, если слов для их названия в говоре просто не существует, либо по причине тесных контактов с местным населением на бытовом уровне.

Также, в лексике говоров присутствует большое количество слов, которые раньше принадлежали другим языковым системам. В дальнейшем эти слова либо вышли из активного употребления, либо употребляются на данный момент в «допереселенческом» значении, либо приобрели новое значение. Т. Лёнгрен отмечает, что «лексика островных русских говоров, носителями которых являются старообрядцы, развивается в уникальных условиях двойной изоляции» [Лёнгрен 1994: 15]. Такая изоляция обусловлена, во-первых, иноязычным окружением, во-вторых — стремлением старообрядцев сохранить свою веру и традиции.

3. Влияние эстонского языка на говоры Западного Причудья

О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья говорит в своей статье И. П. Кюльмоя. По ее словам, тесная связь староверов с эстонским языком приводит к многочисленным заимствованиям, причем как с одной, так и с другой стороны. Влияние эстонского языка проявляется не только в лексических заимствованиях, но и на других уровнях диалектной системы: фонетике, морфологии, синтаксисе. В статье говорится, что заимствованиями считаются слова, которые употребляются несколькими информантами, либо знакомы им. И. П. Кюльмоя выявляет следующие черты заимствований:

- слова, передаваемые фонетическими средствами русского языка и освоенные грамматически или иногда оформленные словообразовательными средствами (*ворстик* — колбаса домашнего приготовления, эст. *vorst*);
- семантические заимствования или кальки (*картофельная каша* — пюре, эст. *kartulipuder*), либо неразличение слов *другой* — *второй*, *прежний* — *ранний* (*моя соседка ранняя вышла замуж за старовера*);
- кальки с глагольными конструкциями (*брать лекарство* — принимать лекарство, эст. *rohtu võtma*);
- в области синтаксиса — образование словосочетаний и предложений по моделям, характерным для эстонского языка (*Это где-то тридцать пять лет тому обратно* — эст. *Palju aastaid tagasi*) [Кюльмоя 2004: 155].

4. Особенности говора старообрядческого населения Западного Причудья

Особенности говора старожильского населения описаны в статье О. Г. Ровновой «О современном языке староверов Западного Причудья» [Ровнова 2004: 144].

В речи староверов наблюдаются характерные особенности **произношения**:

- аканье, яканье ([в'а]дро, на бе[р'а]гу);
 - цоканье (пришѣдцы, ушѣдцы);
 - [дн] / [д'н'] переходит в [нн] / [н'н'] (кот не голо[нн]ый, будет холо[н'н']ее);
 - [ш'ш'] переходит в [шш] / [шч] (та[шш]ут, ве[шч]и);
 - [ц] переходит в [т] (оте[т] тут, неме[т]-то);
 - мягкий [р'] в некоторых словах (све[р']ху);
 - мягкий согласный перед некоторыми суффиксами (славя[н']ское)
- [Ровнова 2004: 144].

Также в говорах населения старожилов западного Причудья отмечаются характерные особенности постановки **ударения**:

- слова, имеющие отличное от литературного ударение во всех формах (дочкá, у дочкí);
- слова, отличающиеся ударением в той или иной грамматической форме (в спинú, в землjú);
- глаголы с односложным корнем в форме прошедшего времени женского рода имеют ударение на основе (тíла, жíла);
- классы слов с особым ударением (никóго, моёго, твоёго);
- сочетание существительных с предлогами (дома были по́ берегу) [Ровнова 2004: 147].

Морфологическая система говора причудских староверов характеризуется значительной устойчивостью и хранит много архаичных явлений:

- существительные женского рода, первого склонения, дательного и предложного падежа в единственном числе имеют флексию -и / -ы (говорит жаньí);

- существительные мужского и среднего рода, родительного и предложного падежа в единственном числе, а также в значении количества имеют флексию -у (*страху Божьего нету в них, разу три*);

- в форме именительного падежа множественного числа высокую активность проявляет флексия -и / -ы (*рог — роги, глаз — глаза*);

- в форме родительного и винительного падежей (только одушевленные существительные) множественного числа часто встречается флексия -ов / -ев (*богачев, соседов*) и обратная связь (*мама спяжёт блиней*) [Ровнова 2004: 149].

У творительного падежа есть несколько функций:

- значение времени (*эвакуированы войной*, то есть во время войны);

- средство осуществления действия (*чем ты купишь?*);

- причина возникновения состояния (*муж несчастным случаем умер*) [Ровнова 2004: 149].

В системе склонения имен прилагательных (знаменательных и местоименных) обращает на себя внимание высокая частотность стяженных форм:

- в именительном и винительном падежах имеют такую же форму, как и существительные (*кака бяды, советска власть*);

- если в предложении употребляются две формы прилагательных, то стяженная форма предшествует нестяженной форме (*ночью така перястрелка была страшная*);

- членные формы имеют двусложные окончания во множественном числе всех косвенных падежей (*разных сладостей, надо плакать по дурным детям*);

- произношение с твердым [г], [к], [х] (*вся[к]ый, вяли[к]ый, стро[г]ый*);

- форма творительного падежа множественного числа знаменательных и местоименных прилагательных имеет флексию -им / -ым (*за коровым хвостам*) [Ровнова 2004: 150].

Система склонения местоимений в говоре представляет собой достаточно сложную картину, ее особенности таковы:

- личные местоимения *он, она, они* имеют начальный «й» (*с ей, с йими*);

- местоимения *самы, ты* имеют в исходе основы твердый согласный;

- большинство притяжательных местоимений склоняется по образцу прилагательных твердой разновидности (*евоный, ейный*) [Ровнова 2004: 144].

Глагольная система диалекта характеризуется следующими чертами:

- глаголы, имеющие в литературном языке суффикс *-ти*, в говоре имеют суффикс *-ть* (*нести, вывезть, идтить*);

- в формах третьего лица единственного и множественного числа отсутствует конечный «т» (*придѐ, буде*);

- глаголы второго спряжения третьего лица множественного числа имеют окончание первого спряжения *-ут* (*видют, держут*);

- отсутствует чередование *к/ч* и *г/ж* (*испеку — испе[к']еишь*);

- вместо постфикса «сь» употребляется постфикс «ся» (*боялася, встретилися*);

- возвратные глаголы могут являться невозвратными (*люди нас дожидают*).

Категории времени в говоре имеют две формы прошедшего времени, неизвестные литературному языку:

- «русский перфект»: деепричастие на *-ии, -ви*, *-(д)цы* употребляется в роли сказуемого (*эво, поля все заросии!*);

- форма давнопрошедшего времени, состоящая из глагола *быть* и знаменательного глагола, которая обозначает действие в отдаленном прошлом (*у меня была Таня родилась*) [Ровнова 2004: 153].

Диалектный **синтаксис** тоже довольно разнообразен:

- специфичное употребление предлогов (*ехать в озеро, три года в господах работала*);

- отличия в управлении глаголов (*не поверила я этого*);

- беспредложное управление на месте предложного в литературном языке (*я тогда его заорала и кричу*);

- рассогласование по роду между подлежащим и сказуемым — кратким причастием (*старый домик было обделано так красиво*);

- использование союза *что* в придаточных цели и причины (*лампочку иицу, что включить свет*) [Ровнова 2004: 153].

В 2 главе нашей работы будет приведена расшифровка записи диалектной речи Прасковьи Ивановны Селезнёвой (Пийриссаар), которая сопровождается комментарием в области диалектных особенностей, в основу которого положено описание говора, сделанное О. Г. Ровновой в указанной статье.

5. Источники диалектного материала: словари и архивы

В исследования разговорной речи вовлекаются факты не только разговорной речи литературного языка, но также и исследования диалектов. Эти две формы объединяет одна общая характеристика — их устность.

Разговорная речь и письменная форма языка постоянно взаимодействуют между собой и взаимно влияют друг на друга. Словари-справочники для литературного языка в основном построены на материале письменных текстов, для того чтобы вывести из множества сочетаний повторяемость смыслов, последовательность и их связь между собой.

На лексическом уровне изучение индивидуальной диалектной речи является возможным, когда в распоряжении исследователя находятся речевые тексты такой величины, что с их помощью можно квалифицировать их не как разрозненные элементы речи, а как стабильный воспроизводимый язык. Обязательно нужно учитывать такие факторы, как психологическая контактность между наблюдателем диалекта и его диалектным информантом, долговременность сроков наблюдения, которая в значительной мере определяет психологическую контактность, строгую паспортизацию отрывков диалектной речи на каждой карточке картотеки исследования в соответствии с каждым диалектным формантом.

Но проблема состоит в том, что при помощи нормативного словаря литературного языка довольно сложно точно исследовать устную речь и получить вполне точные материалы по интересующим нас вопросам.

Язык диалектов существует только в разговорной форме, так как он не нормирован. Роль внешне нормирующего фактора здесь очень невелика. «Правильность» использования того или иного звука, формы слова или словоупотребления состоит в том, как эти формы соответствуют внутренним закономерностям языковой системы рассматриваемого диалекта. В говоре такая форма, в отличие от литературного языка — единственная. В разговорной речи, в отличие от письменной, большое влияние имеют неязыковые элементы: жесты, интонации, а также различные обстоятельства, при которых речь осуществляется. Поэтому изучающие разговорную речь должны быть хорошо осведомлены во всех житейских и бытовых обстоятельствах.

Необходимо иметь в виду, что в подавляющем большинстве случаев при наблюдениях за диалектным словоупотреблением исключается владение языком, как родным. Для разговорной речи особенно характерна приблизительность словоупотребления, что порождает диффузию семантики.

5.1. Словари

Лингвистическое языковедение позволяет включать в круг исследований не только памятники письменности и записи народной речи, но и сами лингвистические исследования. Подобные источники представляют собой **областные словари**. Их тип заранее обдуман и задан. Составленные региональные словари в основном остаются словарями картотек и отражают только то, что уже зафиксировано в картотеке.

Наибольшие споры были вызваны вопросом о формировании словариков — должен ли быть современный диалектный словарь полным или дифференциальным, то есть нужно ли включать в его состав всю лексику и семантику говора, либо только часть, которая отличает диалект от нормализованного литературного языка. Г. Г. Мельниченко была предложена иная классификация: **недифференциальный** и **дифференциальный** словарь [Коготкова 1979: 30]. Такое разграничение оказалось довольно плодотворным как для практической реализации, так и для устранения противоречия между теоретическими проспектами и практическим исполнением у сторонников обеих сторон. Под «недифференциальным» словарем Г. Г. Мельниченко понимает словарь полного типа, в котором отражены все бытующие в речи носителей говора слова: общенародные и локально ограниченные. В словаре же дифференциального типа отражены слова, которые отсутствуют в литературном языке или слова, которые отличаются от литературных по значению [Там же].

Так же диалектные словари могут быть **общими** и **региональными**. Общие включают лексику всех диалектов языка, региональные — лексику одного региона.

В результате множества споров и мнений была получена следующая система словарей: словари диалектов, которые описывают лексику одного говора (диалекта), словари говоров определенной территории и словари всех говоров языка. Исследование диалектной лексики очень важно — она отражает историю

народа, специфику его быта и культуры; поэтому такие словари являются ценными не только для лингвистов, но и для историков, этнографов и писателей.

Э. Г. Шимчук говорит об «общих тенденциях развития современной лексикографии: 1) сознательная ориентация составителей лучших словарей на системное представление региональных разновидностей языка; 2) стремление к глубокому и тщательному описанию разнообразных особенностей семантики функционирования народного слова в живой речи; 3) расширение диапазона типов словарей» [Шимчук 2003: 78].

Считается, что «диалекты находятся на пороге исчезновения». Причины этого заключаются в экстралингвистических факторах, а также в ассимиляции языковой системы диалектов с литературным языком. Т. И. Вендина пишет об определении социолингвистикой взаимоотношений между диалектами и литературным языком [Вендина 2010: 6]. Во-первых, она говорит о том, что социальная база литературного языка все время расширяется, в то время, как база диалекта становится все более ограниченной. Во-вторых, функции литературного языка все время увеличиваются и усложняются, а функции диалектов сужаются, ограничиваясь бытовыми сторонами общения. В-третьих, в литературном языке возрастает нормативность и стабильность, в то время как в диалектном она только все более расшатывается [Там же].

Об изменениях в диалектном языке свидетельствуют данные «Общеславянского лингвистического атласа». По его информации мы можем сделать вывод о лексической дробности диалектного ландшафта всех славянских языков; так же о том, что литературная лексема либо имеет невыразительный ареал, либо она вообще отсутствует на карте. Карты славянского атласа показывают нам еще одну особенность славянских диалектов — их динамичность. Также по атласу можно заметить, что количество отличительно характеризующих русские диалекты лексем во много раз превышает их число в любом из диалектов Славии¹ [Вендина 2010: 14].

В целом, материал «Общеславянского лингвистического атласа» свидетельствует о том, что в диалектах идет процесс обновления и

¹ Славия — здесь: государственное образование полабских и балтийских славян [Вендина 2010: 14].

восстановления лексического состава, одни лексические единицы заменяются другими, более выразительными.

Как справедливо замечает Т. И. Вендина: «о жизнестойкости диалектов, и в частности лексических диалектизм, свидетельствуют и материалы национальных атласов славянских языков, особенно лексических атласов» [Там же].

По словам Т. С. Коготковой, диалектные структуры в наше время распадаются и формируются полудиалектные, которые направляют исследователей к изучению индивидуальной речи [Коготкова 1979: 5]. Получается, что **обращение к идиолекту** является актуальной проблемой при изучении процессов развития современной диалектной речи.

Для изучения диалектов очень полезен такой тип словаря, который представлен **словарями языковой личности**, например, «Диалектный словарь личности» В. П. Тимофеева (1971). Языковым материалом для этого словаря послужили речевые данные, полученные от матери составителя, сбор которых осуществлялся им на протяжении двадцати лет. Данная работа является первой в этом направлении и представляет собой собрание полных квалифицированных данных при изучении идиолекта.

Для изучения фразеологизмов, которые функционируют в русской диалектной речи, может быть полезен словарь М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусовой и О. М. Литвинниковой «Человек в русской диалектной фразеологии». По словам создателей, он «является первой попыткой фразеографического тематического системного описания фразеологизмов» [Алексеенко, Белоусова, Литвинникова 2004: 4], присутствующих в диалектах русской речи. В словаре объединен материал под общим значением «человек» и представлены следующие единицы:

- обороты, целиком состоящие из слов общенародного языка, но в литературном языке не являющиеся фразеологизмами;
- обороты, в составе которых имеется хотя бы один лексический диалектизм (все остальные словоэлементы из общенародного языка);
- фразеологические единицы общенародного языка, обладающие в диалектной речи другими значениями;
- фразеологизмы, в составе которых имеется семантический диалектизм;

- фразеологические единицы, известные общенародному языку, но структурно и семантически трансформированные в диалектной речи, то есть выступающие как варианты на фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом уровнях [Алексеевко, Белоусова, Литвинникова 2004: 8].

В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина написали «Словарь псковских пословиц и поговорок» (2001). Материал для словаря собирался из множества источников: докторских диссертаций, научных монографий и статей, а также материалов диалектологических экспедиций.

«Словарь псковских пословиц и поговорок» состоит из трех частей. В первой, под названием «Поговорки», представлено около пяти тысяч идиом, сопровождающихся семантической, географической и другими характеристиками. Также, в этой части словаря дается толкование отдельных лексических диалектизмов. Вторая часть называется «Устойчивые сравнения», она содержит около четырех тысяч словарных статей. В этой части выделено 585 синонимических рядов, которые объединяют фразеологический материал и сравнения. В третьей части, «Пословицы», содержится около четырех тысяч единиц пословиц, с указанием письменного источника или географической принадлежности [Мокиенко, Никитина 2001: 8].

5.2. Методы сбора диалектного материала

Существует множество источников языкового материала. Они представляют собой различные лингвистические атласы и карты, монографические описания говоров, областные словари. Но на первом месте по значимости стоит сбор данных непосредственно из обследуемых диалектов и языков [Русская диалектология 1972: 25]. Этот процесс является очень трудоемким и требует большой предварительной работы.

Для начала, нужно тщательно разработать программу исследования, выделить цели работы и основные ее направления. При сборе материала чаще всего применяются два основных метода: анкетный или прямой.

Анкетный метод представляет собой рассылку материала информантам, которые могут достаточно точно ответить на заданные вопросы. Это те люди, которые хорошо знают местный говор и у которых достаточный уровень

лингвистической подготовки. У этого метода есть два преимущества. Первое, это то, что он позволяет за короткий срок собрать большое количество информации на обширной территории. И второе, материал предоставляют информанты, которые долгое время живут на данной территории в определенной диалектной среде, либо владеет диалектом.

Но у анкетного метода есть и существенные недостатки. При таком методе исследователь не может проверить полученные данные, а значит, и их достоверность, он лишен возможности непосредственного наблюдения за диалектом и говором и за условиями сбора материала. Также он рискует упустить интересные языковые явления, которые по разным причинам могут остаться за пределами намеченной программы исследования.

Всегда есть возможность свести эти недостатки к минимуму, если программа грамотно составлена: вопросы являются простыми и понятными и раскрывают сущность языкового явления, а к анкете прилагается подробная инструкция.

Прямой метод или, как его еще называют, **полевой**, представляет собой сбор материала исследователем непосредственно на месте, в полевых условиях. Этот метод более эффективен в плане того, что он позволяет обеспечить полноту и неоднократную проверку собираемых данных. Единственным недостатком этого метода является то, что он требует большой затраты времени для опроса информантов. Но и это удастся компенсировать, если подключить к этому исследованию определенную группу людей, например студентов.

Участником экспедиции должен быть филолог, который прослушал курс диалектологии. Участниками экспедиции должна быть тщательно изучена программа, история края, в котором придется собирать информацию. Должны быть изучены важные лингвистические и этнографические особенности района.

На месте в первую очередь нужно ознакомиться с историей заселения деревни, составом населения (однородное оно или смешанное), с характером влияния на жизнь и быт населения ближайших административных, культурных и промышленных центров.

До того, как начать собирать информацию, участник экспедиции должен привыкнуть к звуковому облику говора, научиться правильно его слышать. Это поможет избежать ошибок при записи.

6. Источники диалектного материала для изучения говоров старожильского населения Западного Причудья

6.1. Архив Эстонского литературного музея

Один из источников материала по говорам староверов — Эстонский литературный музей (Eesti Kirjandusmuuseum), где имеется довольно много интересующего нас материала.

В архиве музея находится четырнадцать книг с записями разговорной речи староверов, примерно по пятьсот страниц каждая. В основном это фольклор: песни, сказки, пословицы, загадки. Интересно и то, что материал собирался у информантов разной возрастной категории — это лица от десяти до восьмидесяти семи лет. Из четырнадцати книг семь содержат интересующий нас материал: записи речи информантов Западного Причудья. Этот материал был нами скопирован в виде 496 фотографий (некоторые из них опубликованы в приложении к работе) и в полном объеме размещен в дигитальном архиве кафедры русского языка Тартуского университета, см.: flve(\\raud.ut.ee\\fl) (V:), папка 00.potapcenko_foto_arhiv_LITERATURNYJ_MUZEJ.

Больше всего информации в архиве имеется по деревне Нос (Nina). Она занимает почти полтора тома. Затем следует информация по деревне Муствез (Mustvee). К сожалению, меньше всего информации оказалось доступно по острову Пийрисаар (Piirisaar), по деревне Межа, которая интересовала нас более остальных. В приложении к работе помещены сведения, полученные от информанта Булкиной (ок. 45 лет, старообрядка, дер. Межа): о народных приметах и толкованиях снов.

6.2. Картотека Псковского областного словаря

Также мы обратились к материалам картотеки Псковского областного словаря. Но там текстовые материалы (записи диалектной речи в виде текстов) практически отсутствовали. Удалось найти только фольклорные материалы по деревне Нос. Информация была записана Сергеем Орловым в 1929/1930 годах. В данном документе содержатся материалы с названиями различных рыболовных принадлежностей, мужской и женской одежды, а так же звезд и других явлений.

Кроме того, информация по говорам староверов Западного Причудья находится в картотеке Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина филологического факультета СПбГУ.

6.3. Архив аудиозаписей лаборатории экспериментальной фонетики Тартуского университета

Интересная и редкая информация хранится на сайте лаборатории экспериментальной фонетики Тартуского университета в архиве диалектов эстонского и родственных языков (Tartu Ülikooli eesti murrete ja sugulaskeelte arhiiv), по адресу: <http://www.murre.ut.ee/arhiiv/index.php> (материалы можно получить как результаты поиска «Otsi», если ввести ключевое слово «vanausulised»).

На этом сайте представлены девятнадцать записей разговорной речи староверов:

- 1) keelejuht Herbert Karp vanausulised, küsitleja Helle Heiter;
- 2) keelejuht Voldemar Sillaväli vanausulised, küsitleja Helle Heiter;
- 3) keelejuht Semzneva Praskobja Andrejevna (?) vanausulised (90) (2 аудиозаписи);
- 4) keelejuht Jevdokia Aleksandrovna vanausulised (72) (2 аудиозаписи)
keelejuht Anastasia Viktorovna Truleva vanausulised (75) (2 аудиозаписи)
keelejuht Agrepiina Timofejevna Borodkina vanausulised (75);
- 5) keelejuht Vassa Ivanovna Zavostkina vanausulised (69), küsitleja Helle Heiter (2 аудиозаписи);
- 6) keelejuht Dementi Nikititš Merlušov vanausulised (70), küsitleja Helle Heiter;
- 7) keelejuht Albert Aimre vanausulised (70) (2 аудиозаписи);
- 8) keelejuht Olga Karp vanausulised (73);
- 9) keelejuht Maria Kalm vanausulised (81) (2 аудиозаписи);
- 10) keelejuht Voldemar Veelmaa vanausulised (78).

Четыре записи представлены без имени информанта, в комментариях к записям указано лишь, что информант является старовером. На сайте также указан возраст информантов, год рождения, а также год, когда данная запись была сделана.

В нашей работе приведена расшифровка двух записей старообрядческого говора жительницы острова Пийрисаар Прасковьи Ивановны Селезнёвой. Целью было не только расшифровать запись, но и описать встретившиеся в речи информантки языковые особенности говора и его лексику. Для этого был сделан анализ таких языковых явлений как фонетика, морфология, словообразование, лексика и синтаксис, что позволило выявить некоторые особенности диалекта в целом и, что более важно, особенности данного говора.

6.4. Рукописный архив кафедры русского языка Тартуского университета

Рукописный архив включает тетради с записями говоров старожильского населения Западного Причудья. Описание архива было сделано Марией Тамм в 2011 году. Согласно описанию, архив включает 181 тетрадь, в которой содержатся записи говоров более двухсот информантов. Записи проводились на разные темы: быт, обряды, фольклор, природа и использование природных ресурсов, состояние здоровья, школа, воспоминания из детства.

6.5. Словари говоров старожильского населения Западного Причудья

I. «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» В. Н. Немченко, А. И. Сеницыной, Т. Ф. Мурниковой (1963) представляют собой пробный словарь региональных говоров трех стран: Литвы, Латвии и Эстонии. Для изучения были выбрана именно языковая группа старообрядцев, так как она является наиболее устойчивой в этих странах.

Из словаря следует, что лексика всех трех прибалтийских групп в значительной мере совпадает, а некоторые отличия связаны с местной спецификой.

II. Список диалектных слов и выражений из книги «Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I» Тарту, 2004. Стр. 292–307.

Интересен список диалектных слов и выражений, который является приложением к «Очеркам по истории и культуре староверов Эстонии» I (Тарту,

2004). Данный список содержит не только диалектные слова, но и различные выражения, пословицы, поговорки и топонимы.

III. В 2008 году вышел «Словарь говора староверов Эстонии. Книга для учащихся», составленный О. Н. Паликовой и О. Г. Ровновой. Он содержит диалектные слова, которыми пользовались и пользуются жители Западного Причудья. До выпуска словаря эта лексика не была представлена отдельным изданием.

IV. Также к числу лексикографических источников можно отнести «Псковский областной словарь (с историческими данными)» [ПОС] и «Словарь псковских пословиц и поговорок» [СППП], так как причудские говоры староверов Эстонии относятся по происхождению к псковским диалектам.

В СППП представлены как образные, так и безобразные пословицы. Составители отразили в словаре не только те пословицы, которые складывались на протяжении многих лет, но и те, которые как бы придуманы «на лету», индивидуальные, так как это позволяет составить более полное представление о диалекте.

РАСШИФРОВКА И КОММЕНТАРИИ
К ОДНОЙ ЗАПИСИ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ
ИЗ АРХИВА ЛАБОРАТОРИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФОНЕТИКИ ТУ

2.1. РАСШИФРОВКА ДИАЛЕКТНОЙ ЗАПИСИ

В этой части работы представлена расшифровка записи говора староверов Западного Причудья на материале двух аудиозаписей речи жительницы острова Пийрисаар **Прасковьи Андреевны Селезнёвой** (продолжительность записей: 18 мин. 49 сек. и 24 мин. 24 сек.). Запись была сделана в 1977 году; информантка 1887 года рождения, староверка, на момент записи ей 90 лет. Диалектолог беседует с П. А. Селезневой о ее жизни, о быте староверов, их обычаях, узнает значение терминов, связанных с этим.

2.1.1. Расшифровка первой записи

F1146-02 (18:49) Селезнёва Прасковья Андреевна, 1887 г.р., остров Пийрисаар
http://www.murre.ut.ee/arhiiv/naita.php?t=audio_trakk&id=1842

П.С.: Селезнёва Прасковья Андреевна!

Д.: Какого года рождения?

П.С.: Я не знаю, я *ня грамотная!*

Д.: Даа... В школу не приходилось было ходить?

П.С.: В *тое* время школ не было. *Хошь* — иди, не *хошь* — не ходи. У нас тут в наших *рóдах* мало кто грамотный. А вот (...) тоже неграмотный.

Д.: Правда? Ничего, это просто я...

П.С.: Игрушка! (смеется)

Д.: Игрушка у меня такая! (тоже смеется) Разве не было школы в этой деревне?

П.С.: Да! Не было, не было. Не было школы.

Д.: И приходской школы не было?

П.С.: Не было. Тогда просто жили, не так, как *таперь*.

Д.: Ну как жили раньше? Как молодёжь раньше жила?

П.С.: Ну жила бедно, бедно жили. В *эстоньской* власти.

Д.: Да...

П.С.: Вот молодёжь, в поле к *эсьтонцам* ходили. И мои дети выросли. Вот у меня был мужик, муж хороший большой и вот эта война финская-то была. Какая это война была?

- Д.: А, финская, да.
- П.С.: Ну вот. И он был на *войны* три с половиной года, а я уже *была вышедши*, уже был ребенок один. Я вот *онная*, со свёкор и *свекрова* и жили вот в той *избы*, и жила в ними. *От* пришёл *йон* домой и жили там. Пришёл домой, один год один, стали наступать это...там *эстонськи*...как там...*белы* да *красны* в том году. И вот что ж, глядишь, по деревне, по двору идёт партия. И *йон*-то, мой-то мужик был на *горы* и там дядя его (...). Ну и вот это *идёт* партия большая, так и что делать? Надо прятаться, то стрелять *буду* в окна. Вот мы в *подпол*, в погреб *туды*. Вот я с *дятишками* полезла. Вот пришёл — второй слазили. Два мальчишки было. Вот мы в подпол, да. И потом это...приходили они так у порога, в избу не вошли, а мы *все* в *подполе*. Ну вот мой-то муж стал с доме: проходите *товарищици*! А! да матюгом говорит! Это белые там! А только что ночь — белые у нас *начавали*, партия *была* *прииёдши*. И *оны* отступили, *красныи* пришли. И вот он стал к дому и «проходите *товарищици*!». А он матюгом это дело, взял, штыком ему прямо в сердце. И он только ух! И всё. И в *подпол* завалился. И я осталась вот с ними ребятишками. И так и *ростила* всё их.
- Д.: Как вы, куда вы кормить их и на ноги поставить?
- П.С.: Да! Вот в поле *отдала*, *цалый* год со *свиньям* жила, потом к коровам пошли. Вот был лучок. Поешь немножко лучка, Федосьи этой вот мать-то *торговаль*. Сахар-то *купі* было не так как *таперь* вот. В общем *вывозют*, а так не каждой (...) опять живёшь. Так и *ростила* *рабят*. Выросли, тогда вот...вот в поле, с поля вышли, *тада* дома тут стали работать, на озеро, да всё. Пришла война, их подобрали...молодых...и убили. Вот так и живу. Да уж!
- Д.: А чем раньше жили больше? Вот ходили в поле, лук растили?
- П.С.: Да, как и *сейчас*. Лук да на озеро ездили.
- Д.: И Вы на озеро ездили?
- П.С.: Ездила! (...) надо кормиться. Брат мне (...) ездил *на озеры*. Зимой ездили, *начавали* в озере в будках. *От* как пришлось жить.
- Д.: Так далеко ездили?
- П.С.: Да. Домой не приезжали, зимой-то на *кóнях*. И там такие лунки...да, там уже полночь. Ну да. И вот *этой* луб, чугуночку там *какү-то* *поставя*, эти там запас переберёшь-то, походишь, идёшь долбишь и *ложишиа* спать там. (смеется)
- Д.: Прямо на озеро? На льду?
- П.С.: Да! На льду прямо. Побудешь там неделю, *тады* опять домой приедешь. Наберешь с собой там хлеба да...а рыба-то там своя (смеется).
- Д.: А что там неделю делали?
- П.С.: Да вот на озеро-то там ездили! Сети-то совали подо льдом. И забирали, рыба попадала: *лешчи* там, *ишуки* разные.
- Д.: Так что целую неделю вот так их ловили.
- П.С.: Да.
- Д.: Ловили, собирали. А потом со всей рыбой домой, да?
- П.С.: Да. Рыбу-то там приезжали *налет* убирать. Вот щуку тогда это мы...
- Д.: А кто ж там был?
- П.С.: Да вот *Янык этакий* был, *Янык* Черноков-то! По всей *тады от* этой тоже ездили. *Таперь*-то у нас нету, только в *онну*, в магазин. Это на пять *магазин* было!
- Д.: Нуу...

П.С.: Вот этый (...) *от*, в этом месте жил. И тоже рыбой торговал. Вот так.

Д.: Так такие торговцы были, которые покупали рыбу, да?

П.С.: Покупали, возили в Тарту.

Д.: Ага! Сами рыбаки не ездили?

П.С.: Нее. Ну тогда (...) магазины были. Да ну если я (...) подёргать. Ну и будут возить. Там и хлеба ведь надо и всего-то, ведь надо жить-то. Так денег-то не было, так идут на *гору*, а *после* пойдут на *расчёты*, *высчитают*. Вот и придёшь ни с *чим*. Это так *от* всё готовые запасы, всё готово. А *тада* ничо на свои не покупалось.

Д.: И запасы сами тоже делали?

П.С.: Да, пряли, *вязли* всё.

Д.: И пряли, вязли тоже? И Вы умеете всё это, умели делать?

П.С.: (смеется) Я вот в девках-то жила (...). (...) а вот лука *набяр*у да поеду в Россию. *Тада* это ведь, *была* власть-то царская, так ездили *вовсюду*. Так вот и мы так жили дома, надо, так *никуда*, *вязли* и пряли. Вышла я *туды*, замуж-то, вот и надо *вязать*. Да и *вязать* не знаю, прясть, а муж-то, да как нам *от*, *гоорит*, *выучисся*. (...) *сьперва* что, я *научусь*!(смеется) А я-то что не знаю, прясть. Ну и купили прялку и вот и *прядёшь*.

Д.: Лён, да?

П.С.: Да, лён. *Коноп*ли-то большие доделываешь.

Д.: А конопля где у вас росла?

П.С.: Да у нас нигде, всё *откудова*-то они доставали.

Д.: Привозили?

П.С.: Да!

Д.: Ах вот!

П.С.: *Могеть* специально и не достанешь, (...) *разбярёшь*.

Д.: Значит верёвки, канаты, всё это...

П.С.: Всё пряли и вязли, да. Всё пряли.

Д.: Из конопли делали, да? Делали?

П.С.: Эти верёвки *толсты́е от* там у меня, это всё сами пряли по улицам. Ты *мож*а помнишь, мальчишкой бывши?

М.: Я помню!

П.С.: Да, так как *он* это-то всё еще пряли на прялках таких, вертелись.

Д.: Он наверно маленький, он уже не знает.

П.С.: Да...

Д.: Как это делают, да?

П.С.: И вот так и *вязать*, и прясть. *Свекрова* была, вязла...

Д.: А сетки, сетки так же из конопли?

П.С.: Нет. Тогда *пряжу* *купля*ли. Так *пост*апряжная или *кака*-то есть тканая, купишь *от таку* пряжу откуда-то там с города. А по закону-то *нач*али ловить, *тада* вот с конопелькой пряли да *вязли* это. Из такой пряжи как сетка, *вязли*, тоненькой. А эта уже толстая. Вот, вот *та́ка* моя жизнь нехорошая.

Д.: И сетки вязали тоже?

П.С.: Даа, вязали, как же!

М.: У свекрови как ты жила? Вот ты сказала сейчас.

П.С.: Свекровь! Двадцать лет я жила со *св*якров. Без мужика и...вот свёкр утонул, а я и...мой-то мужик же в Германии служил, я *тада* уехала к Яну, а Рем поехал *на́ озеро* и там *де*-то около Свелов(?) ввалился и утонул. Вот я

там неделю *пробыла*, уже как приехала, уже свёкра нет. *Утонувши! Вот со свекрова два и жили.* Свекров уже *была стара*.

Д.: Она хороший человек?

П.С.: Кто?

Д.: Свекрова!

П.С.: Да всякой! Свекрова разве добрый? (смеется) Все *свакрови по* невесток, невестка худа, а невестки по *свекровы*.

Д.: Да! (все смеются) ... Вот это верно!

П.С.: ... Кто-то *нявестку любить свекровы*, да что ж у них не живут невестки-то дома, *уехав!* Не *хотя* жить с семьёй.

Д.: Все хотят отдельно жить!

П.С.: Отдельно, да. А тогда ведь некуда идти. Вот все вместе и семья этакая: дети и свёкры, *сьвекровы* там, еще люди.

Д.: Так что всю жизнь здесь в Жилачке Вы провели?

П.С.: Да. И *родивши* там.

Д.: А почему эта деревня так называется — Жилачка?

П.С.: (...) а там Межа, от Межа да Поонида. Они же что, так-то мы Пийрисаар. А то — Межа. Мы там... Межа, Межа.

Д.: Ну а лук как растили?

П.С.: (...) (очень сильный шум ветра).

Д.: Так, ну а всё-таки, вот когда сажают лук? В какое время?

П.С.: Ну весной сажали, они в мае и сажают лук. *Вясной*.

Д.: Ясно.

П.С.: Мы *сь ребяты* пораньше. (...) когда уже, на Пасхе. Да. Пораньше.

Д.: Какой лук Вы сажаете?

П.С.: А всякой.

Д.: Всякий?

П.С.: Всякой. Вот *сердцáед*, лу^чок такой. *Вырасти, дак* на сыром месте сажаем, *маленькой*. А...

Д.: С семян, да?

П.С.: С семян! Этой...севок пошёл.

Д.: Это я не знаю, поэтому Вы и злитесь, поэтому я и спрашиваю.

П.С.: Да.

Д.: Да. Вот с семян, вот это как он называется?

П.С.: Ну, *када* большая *луковина* выращивается. *Семяны* всё *ранно* едят, но вот уже будет большая *луковина*.

Д.: Одна луковина.

П.С.: Там не *áнна*, там ^ч*атыре* да пять луковиц.

Д.: И семян?

П.С.: Да.

Д.: Из семени по-моему там один только лук?

П.С.: А, нет. Там...где три, где ^ч*атыре*, если *плодливый*, так там пять-шесть, так и три (...).

Д.: А как Вы этот первый лук называете?

П.С.: Севок! Севка — это *сéменный* лук называется. *Тошно*, так *сéменный* лук. А большой вот продают.

Д.: А как тогда большой лук называется?

П.С.: Вот так *от!* Большой...с маленького не пойдёт *рость*.

Д.: Ну да, когда уже посадили лук, да, такую одну луковину, тогда уже там много?

П.С.: Там уже *тада*, *очен* уже такой плод *появлясса*. (...) это как в школе учат. Всё, да, вот *такь* верно всё. Много бы.

Д.: Так а как этот второй лук, уже как называется?

П.С.: (...) (сильный ветер) Со старым землю-то, *молóдым* и *стары* в землю сажаются.

Д.: А третий тоже сажают?

П.С.: Да, сажают тоже. Для этого поставят да на пятый год сажают!

Д.: Нуу?

П.С.: Даа. Так лук, который *сéменной* вырастет, это на *палáтник*, так...а большой продадут.

Д.: А в какое время Вы убираете лук?

П.С.: Ну *от* как весеннее, от как *чeрез* зиму. Потом в портфель скидают, да *увозют* продают.

Д.: А какое время — самое время?

П.С.: Ну да, вот (...) это лето (...).

Д.: Да?

П.С.: Да! (сильный ветер, практически ничего не слышно)

Д.: Когда вот начинаете собирать?

П.С.: Ну вот знаем такой месяц, мы-то знаем.

Д.: Ну откуда вы знаете, что уже созрел лук? Откуда вы знаете?

П.С.: Да перья-то высохли, вот и *тада* их надо. Их надо вон кидать тогда.

Д.: А что теперь дальше делаете?

П.С.: Обрежу, высушу на солнышке, *тада* на *салатник* сдвину (...)

Д.: Хранить лук - это ж трудно!

П.С.: А что ж *теpь* делать, *трунно* конечно!

Д.: Вот, вот как Вы всё же, вот...

П.С.: Около его много, а то около лука.

Д.: Да. Вот как Вы сушите или что Вы делаете, чтобы действительно до весны он сохранился хороший?

П.С.: Ну так вот и сушам, сушим *тапeрь*, выложим *от* на *палáти*, приделаем там *дык* а...

Д.: Эти палати у вас?

П.С.: Это-то у меня лука нету и *палати* нету, всё.

Д.: Это палати называется?

П.С.: Да. *Дак* с Колей вот и там *наддымаeшь* и везде. А Вы не с кого-нибудь, там мелко *онной*.

Д.: А вот на печке тоже как-нибудь можно сушить?

П.С.: Как же! Клади на *печкy*.

Д.: И прямо долго надо сушить как следует?

П.С.: Вот *кажый* день с *вясны* да до *вясны* он там ровно и лежит. Тут были дни, так перебираю, *потекёт* его. *От*!

Д.: Сразу заметно?

П.С.: Даа. *Тада спустió*, *перебарываю* снова, опять *подымаю*.

Д.: Вот я вот дома никак я не могу держать! Не умею! А то всё у меня всё равно такой мягкий делается и...гниёт тут же. Хотя я тоже в сетке вроде держу.

П.С.: Да.

Д.: На кухне, да. И тепло у нас вроде, а всё равно вот гниёт.

П.С.: А ты живёшь-то в *тым*?

Д.: В городе? Да. Хитрость-то какая должна быть.

П.С.: Ну что ж! Надо высушить хорошо.

Д.: Что, топить нужно хорошо печку? Несколько недель что ли?

П.С.: Недель! Да мы всю зиму топим, не то, что недель!

Д.: А топите, сами живёте в комнате? Сами?

П.С.: Да.

Д.: А так ведь...слишком так жарко топить нельзя?

П.С.: Нее. Так же мы ещё и вот печку *стопим*, да к *вечеру* холодно — опять плитку топим. Вот.

Д.: Ах, у вас и плита есть, прям!

П.С.: Да.

Д.: Плита у вас, которая за печкой?

П.С.: Да вот же она! Тут. *Таперь*-то ведь новые *печки*, так всё без *плеты* любят делать. У нас, у Ваньки тут тоже *печка* такая же.

Д.: И такой печки не видно уже?

П.С.: Нет! Этаких-то? Нет, таких то, что *ладют*, их тут всё. Это к старости-то худо, надо на *колечки* становиться, *куды* в *печку*-то что горшок-то ведь. А *эты*-то, она *высока*, так ты в *любом* впихнёшь *горшочек*-то там сварить там что. А то надо всё на *колечки* становиться. А вот эта я *ста́ра* мне, чем на *колечки* встать надо пять минут. Вот (смеется). Такие-то *печки* лучше.

Д.: И хлебы пекли тоже?

П.С.: А как же! Хлёбы, булки, всё *пекла*.

Д.: Вот в этой всё?

П.С.: Угу.

Д.: Даа... Хлеб раньше сами пекли?

П.С.: Да, всё *пекли самы́*. И *таперь самы́* *пекём*.

Д.: Хлеб?

П.С.: Даа.

Д.: Правда?

П.С.: Ну так что ж!

Д.: А в магазине не покупаете?

П.С.: У нас нету хлеба, магазин не *возют*.

Д.: Это верно?

П.С.: Верно! От только что приедет, так *хлёбет* привезёт, там гости *ездют*, так всё *привязут*, дак городской. *Ишо* наш лучше *считают*, хлеб-то городской черствеет скоро. Да.

Д.: А муки можно достать?

П.С.: А как же! В магазине сколько *хошь* муки. Этый...у нас так это говорили, что хлебом магазины, *отпёрлися* наши, что нам не выходит. Что это...хлебом. *Тада рóжи* нет...как ты представишь — *голонный*! А как мука, так купишь, то мешок, то два и живут, едят. Вот. И так согласились, что мукой нам лучше, *как хлебом*.

Д.: И Вы сами вот печёте всё?

П.С.: А как же! Пеку.

Д.: Ну расскажите, как Вы...Как Вы хлеб...тесто... сначала вот это...

П.С.: Ну ты-то не *пекла* хлеба-то ни разу! (смеется)

Д.: Я-то можт и не *пекла*, но я хочу знать, как сейчас пекут. Мы не печем уже больше. Муки нету и ничего, так в магазине покупаем. Это не настоящий хлеб, я это понимаю.

П.С.: Да. Хлеб...

Д.: В чем же Вы замесите тесто?

П.С.: Ну...квашоночки такие большие, у кого семья, так поболе.

Д.: Деревянная посуда?

П.С.: *Деревянна*, да мне *от* котелок такой куплен *алименевый* (алюминиевый) это. Так я *добра*. Вот у меня *бало квашонок*, летом рассохнутся, *тякут*. А эта-то не рассохнется *квашоночка*.

Д.: И ничего, что металлическая, да?

П.С.: Ничего, как же это.

Д.: Не пристаёт, нет?

П.С.: Нет. Вот туда вот *ложь*. Она *полужжженная*, белая, там котелок всё, как его... *чашка*. И вот *растворишь*, вечером-утром замесишь и *печку* стопишь.

Д.: А что, утром, утром замесите и вечером уже печёте, да?

П.С.: Утром и пекём!

Д.: На следующее утро?

П.С.: Да не! Ну встанем утром, да там хоть кто в пять, кто в шесть готов. Замесют...

Д.: А на покосы куда Вы ездили?

П.С.: Да вот у нас тут, *недалече*. За горой вон тут у нас поле. Как сено растёт!

Д.: На острове, да?

П.С.: Да.

Д.: Ага! Здесь вдоволь было сена?

П.С.: Даа... Кому мало, кому... *Таперь* кому мало, так сена много оставляют.

Д.: А раньше?

П.С.: А раньше-то маловато было. Ну всё *накопляли*, где по *замёшкам*, где по кустам. Вот *накосют*.

Д.: Все на острове, да?

П.С.: Да.

Д.: Не ездили никуда, подальше куда-нибудь?

П.С.: Да. Ну Койнам то *таперь* ездит *через* озеро, в Эстонию, косить сено.

Д.: А раньше не ездили?

П.С.: Не.

2.1.2. Расшифровка второй записи

F1147-02 (24:24) Селезнёва Прасковья Андреевна, 1887 г.р., остров Пийриссаар

http://www.murre.ut.ee/arhiiv/naita.php?t=audio_trakk&id=1843

Д.: И сразу, где можно говорить. Даа. Ну а вот какая работа там всё-таки идёт в огороде, чтобы лук хороший?

П.С.: А полоть вот два раза *у лето*. Да в угон, лука не достанется. Тогда хоть лук полí, *таперь* не буду, *таперь* я тягать буду лук, теперь здесь сохнет.

Д.: А вот скажите, вот у нас в городе говорят, что такое... червей много стало!

П.С.: Ну а *чой* поделать!

Д.: Червеет лук!

П.С.: Червеет лук.

Д.: А у Вас бывало такое?

П.С.: Неужели! (...) за *печонком*, (...) два это *таки* крошечники.

Д.: От чего это?

П.С.: Я вот навоза много кладу.

Д.: Ах вот как!

П.С.: Преет там это.

Д.: Да, да. А что делать? Это плохо же, черви были.

П.С.: Их-то *сёня* так это, *от сево***чек**-то маленький, *черевь* съел всё. **Ничего** *тама* не было.

Д.: И ничего не вырастет?

П.С.: Да. Ну *черевь* там подъял, она иссохла и *усё*.

Д.: Да. Ну а что же делать. У Вас есть так? Ну вот знают наверно, как бороться?

П.С.: Да. Да и всё-то знают, поливают и водой да там (...).

Д.: А чем поливают ещё лук, чтобы червей не было?

П.С.: Водой. Ну...не знаю, чем там *ишо* поливают. Я не поливаю, не знаю.

Д.: У Вас червей не было?

П.С.: Не было. Я мало и сеяла.

Д.: Вот как?

П.С.: Да.

Д.: А что, картошку тоже сеют?

П.С.: Сажают, как лук.

Д.: Сажают, да.

П.С.: И у нас насажен *ишь* как!

Д.: Картошка хорошая растёт?

П.С.: Хорошая.

Д.: А всё-таки лука больше сажают?

П.С.: Ну так! Это только для себя картошку. Не продаю. *Ишо* *посадют* там ее мало, так и *купляю то, что е картошки*. Что лук, он лучше. Лук-то дороже, чем картошка.

Д.: Только лук далеко надо возить.

П.С.: Ну...*таперь* моторы, так *связут*. (...)

Д.: Клубнику, да? Там они не *ростят* луку, да?

П.С.: Нее...там опять *куды*-то посылают.

Д.: Ах вот как!

П.С.: Да.

Д.: Да?

П.С.: А у нас-то их мало.

Д.: Никогда не ловили?

П.С.: Ну он там *кажжый* месяц попадёт, да вот с тем-то я не знаю там. Их оттуда несли, так есть же там немножко *пройдё*, так для себя там.

Д.: А рыба, это что такое (эстонское слово непонятное)?

П.С.: Это рыбу ловят.

Д.: Или (...)? Как по-вашему, как называется?

П.С.: Да зовём *ристы* наверно.

Д.: Ристы, да? Это сетка какая-нибудь?

П.С.: Ну такая (смеётся), я не могу рассказать. Как *бо***чки** большие такие вот, там (...) натянуты. Вот *колó озёры-то* и поедут *вытряхать* вон. Ведь так-то говорят (...). Их не тягают, поставят *вясны*, да стоят, *покудова придё* приказ вытягать рыбу *али* туристы вон, чтоб рыба. *Пуццай* растёт. *От!*

Д.: Даа.

П.С.: Я *мож* не так говорю...

Д.: Правильно-правильно! Всё очень хорошо.

Кто-то: Они нам не верят, они говорят: «Вы ничего не знаете! Вы молодые, а...»

П.С.: Да.

Кто-то: Пускай старые расскажут.

П.С.: Ну так вот. Я вот в голове больше **ничего** не знаю.

Д.: Да. А с какими ещё Вы снастями ездили и запасами на рыбу?

П.С.: Ну вот *эты-то ристы-то* тоже ставила я с отцом, с покойником. *Када* мужика-то не было. Я только *жи́ла* с мужиком, а... *восем год* всего-навсего. Так вот *жи́ла* это, у нас детей не было, пятый год *малы́чка*. И тут он ушёл в солдаты три с половиной, *тык* ну да, тут пришёл, один год пожил, убили. И всё.

Д.: Да. Ещё скажите, сетки у вас какие были, с которым вы ездили туда, рыбу ловить?

П.С.: А мы ловили ишо...

Д.: Вот зимой как?

П.С.: Вот зимой я мало ездила. Да всё *ристы* ставили. (...)

М.: А какие там смёты (?)? Или там тоже разные?

П.С.: Да. *Рожёнцы*, так их называют.

Д.: Это какие?

П.С.: Ну вот большую рыбу (...) ловить, *эт леиши*. Это-то редкую в запасе.

Д.: Как Вы называли, это какая безопасней?

П.С.: Ну вот *рядки́* это все, это *рядки́*. А *которы*, это, *почаише*, так *полувёрцом* называли.

Д.: Правда?

П.С.: Да. (...) вот эта *мáленька* рыбка-то!

Д.: (...)

П.С.: Да! И червям ловили вот её! Я тоже ездила. *Крючки* такие были.

Д.: На удочку что ли ловили?

П.С.: (смеется) И на удочку. *Червы*, наберёшь ночь, вот беспокойство. Ночь они черви на улице с фонарём, то ведь маленько заснёшь, выбирают это крючки. Там цепляются, так пять сот крючков-то вот этак, всё чтоб было. Прямо вот. Надо всё выбрать, опять приехать в *местечко*, это нанизать, опять их метать. Так вот я, и тут огороды, тут, да праздник приходит, то (...) летом (...). *Заплóтишь* так, привяжи мне-ка *червы*, то что надо и *друго*-то дело делать и всё зная. *От* как всё. А рыба-то попадала много, там *окуней*-то подцепят таких. *Бярут* их (...) кладут.

Д.: Это всё на червей так?

П.С.: Да.

Д.: Поймали, да? *Перемётом*?

П.С.: *Перемётом* называли, да.

Д.: А сколько там всего крючков уже было?

П.С.: Ну пятьсот, это так *перемёт считали*.

Д.: Вот как! Много! А где Вы ставили вот перемёт?

П.С.: Да вот так же, в *óзери*!

Д.: А как этот перемёт там стоял?

П.С.: (смеется) Я не знаю. Кидали в озеро...

Д.: Прикрепляли?

П.С.: *Ни́чим!* *Налёт* это *вénно* поставят и вот *вытащут*(?). И *пóсьле* опять *налёт* поставят. Идёшь убирать много, да как сетки, так и это!

Д.: Намёт — это какая-нибудь отметина, да?

П.С.: Да палка али *кирпи́чи*, чтоб она лежала... стояла бы *дугóм*, что видать где сети там! *От* это *налёт* и *считается*.

Д.: Только на одном конце так?

П.С.: На *двi*!

Д.: На обоих концах, да?

П.С.: Да. Нельзя, надо, чтобы *привя́зь* к *зямлі́*, чтобы *яны* не унесло.

Д.: Правильно!

П.С.: Со свёкром ездила я *на́зеро*, он сядет *в нос*: а, где наш *наме́т*! О, видать! Я говорю: а ты большие *гла́зы* были бы (смеется), всё увидит так *от*! Надо (...) туман, надо всё это умно учить-искать, где выметано. Уедь, так туман, так и не найдёшь!

Д.: Правильно! На воде тоже трудно найти навверное?

П.С.: Да находим!

Д.: Вода-то большая, обширная! Где ж там увидишь!

П.С.: Вот *наме́т* это и поставлен!

Д.: Да. А сетки еще какие у вас были? Ещё вот какие у вас устройства были?

П.С.: Устройства *ишо о́бор* такой был! Вот *моёго* сына это был уже, вырос это, Кондратий, так вот, *о́бором* ловили. Так около *коросты́(?)* там. *Пло́тки* — *ма́ленька* рыбка.

Д.: А что такое о́бор?

П.С.: Ну, о́бор такой *ча́стенькой* вид, опять *таки* (...) большие *ря́дки*, в *два ря́д*. Ты *може* видала?

М.: Я видел!

П.С.: Ну ты-то знаешь, что за *о́бор*! (смеется) Вот!

Д.: Я-то не знаю, что за о́бор! Отчего такое название — о́бор?

П.С.: Ну! Такое название!

Д.: Обручи такие были что ли?

П.С.: Никаких *о́бручев* не было! А *назва́нье тако́ запáсено*, что вот *о́бор*! *Говори́*: пошли *о́бором*, так мы ловили *плóток*. (...)

М.: Что-то такое, ещё мерёжка была такая?

П.С.: *Мерёжка* да (...)

Д.: А что такое мерёжка?

П.С.: Тоже *такá ча́стенька-ча́стенка запáсенка*! Небольшая там...длиной. Вот тут только *от* раз около *бе́режка* в́имечут бывало и...метать, так там два-три *человека*, а убирать *приде́* (...) мужик, поди́ один выберешь-то! Бывало *приде́*: эй, вставай, ступай за *мерёжком* (...) (вороны и аршины)! *Песуки́* украдут! (смеется) И пойдёшь *запáсенку*-то тягать. *Песуки́* были-звали, *таки́* хорошие, большие.

Д.: Песуки, что такое песуки?

П.С.: Ну это рыбина, такое *название́* — *песу́к*.

Д.: Да, а что это за рыба? А какая она?

П.С.: Я не знаю. *Такá небольшо́шенькая*. И с *пупка́м*, жирная.

Д.: Хорошая? Хорошая рыба?

П.С.: Да.

Д.: Да. Ну какая ещё рыба ловилась раньше? Какую рыбу ещё ловили?

П.С.: Да всякую, *какá попаде́*. Там не разбираю. Там в сети да *попаде́* всякая и *шук*, и судаков, и...

Д.: Ну а ещё какие? Какие рыбы ещё?

П.С.: *Лешчи*, (...) мы зовём по-простому.

Д.: О, хорошо!

П.С.: *На́лим* попаде́т.

Д.: Ну, а ещё какие рыбы?

П.С.: Ну я *ишо* не знаю, там всяких-то. Не знаю. Да, (...). Да угри вот попадают *ишо*.

Д.: А здесь угри тоже бывают?

П.С.: Как же! Вот на крючки-то бывало как подцепятся. (...) так это, в лазейки (...), да как гад ещё! Я *йих* не ем и не *хо^{чу}* глядеть. А люди *хва́лют*, что хорошее мясо.

Д.: А не пробовали?

П.С.: Я не пробовала, а люди их *обожа́ю*, что как свинина, *жи́рныи*.

Д.: Я тоже не люблю.

П.С.: А я гляну, ну как гад! *От* так и вьётся, так его не до...(смеется). Вот у Вупаниха-то *жи́ла*, *от* там (...). Принёс там это Вупа́н (...) и ушёл. По травы-то, говорит, а где ты пошёл?(смеется) *Уго́рь!* (все смеются) Ой! Я не люблю, а люди *хва́лют*, скоптишь, так как свинина. Мясо-то жирное. А я и не *куша́ла* *никада*.

Д.: А что, угрей так на крючок и ловят?

П.С.: Да. И угрей *попаде́* на *крю^{чок}* или *пойде́*.

Д.: Да.

П.С.: И окуне́к *попаде́*. Всякая рыба.

Д.: Да. А на живую рыбу тоже ловили раньше?

П.С.: Как?

Д.: На живую рыбу!

П.С.: Ловили.

Д.: Не на червей так.

П.С.: Да.

Д.: Так, ну это тоже крючком или удочкой? Как раньше ловили?

П.С.: Рыбу-то?

Д.: Да.

М.: На живую-то рыбу?

Д.: На живую-то рыбу как ловили?

П.С.: Да вот она пока жива, так *от* знакомый *попаде́*. И *тада* сажают в кошель и вот за *кормынь падае*, *тада бу́ди* живая рыба. Прежние-то годы вот в город приедешь *онна́*, такие *са́дни* были на *пристаня́х*. И оттуда-то вот живую рыбу и сажали, *от* она там *хоит*. Кто *хот* её купить, живую рыбу *от* так кошелём и достанут, как из лодки. Как сейчас это, на пристани тут, на рыбалке так и говорят.

Д.: Ну другую рыбу ловили маленькой, живой рыбой?

П.С.: *Ма́леньку*-то не знаю, а *от* большую-то сажали в *садни*, а *ма́леньку* нет.

Д.: Нет. А вот скажем, большие рыбы как-нибудь маленькими рыбами ловили?

М.: Вот вместо червей эту надевали рыбу?

Д.: Вместо червей надевали?

М.: Мелкую рыбёшку?

П.С.: Ну это я не знаю там *кака́*. *Кро́шешна* там. Всё червей больше нанизают.

Д.: Червей больше.

П.С.: Рыбину не так хватают, червь. *Дык че́ревь* если большой так на несколько шматов-то перережут. Да.

Д.: Жалко? Жалко!

П.С.: Жалко. (...) так *спи́на* болит. Их с огнём надо, без огня-то не увидишь, а вот *наклонíвши*...

Д.: Ночью что ли надо собирать?

П.С.: Да, вот ночью *выхо́дю*. Вот после *дожжа́*. А как *дожжа́* нету и червей нету. Шо в Ка́стынь ездили, (...) было. И я была раз в Ка́сти. Так *от* польёшь *зя́млю*-то водой и *тада* пойдёшь собирать, так они вон. *На сухой землё́ че́ревь не иде́*. Польёшь *зя́млю*. Такие были, ай, вот пожи́то на свете!

Д.: А ещё какими снастями ловили ещё рыбу?

П.С.: Да *всяким!* *Ишо* такие были *мерёжи*. *От* это зимой *от* мой сын ездил. Такие большие (...) как затянуты, так *попадё* это *плóток*, да всё это. Там небольшая *попадаё* рыба, *плóтки*. Вот *связа́м* возили.

Д.: Вот как!

П.С.: Да.

Д.: Так что много...много ловилось, да?

П.С.: *В ínчий (?)* раз много, а *в ínчий (?)* поменьше, *кака́* вода. Вот *глубо́ка* вода, тогда *мерёжей* не поймать рыбу. А вот как мелкая, *тык* тогда *от* там подходишь (...) такая мель там и...так *от* это *от* вымочу так и прижимаю *от*.

Д.: Вот как!

П.С.: Да.

Д.: А вот мутник, у вас такая снасть тоже существует, мутник?

П.С.: У нас не было, да тоже *сняты́* ловили.

Д.: Сняты ловили?

П.С.: Да, в *Россе́и*. Вот и мы ходили, *от* тут *недалече* мы снетков-то *россе́йски* ловили. *От* бывало *всяко* же, так я *девчо́нкой* ещё была. *Напекё́м* лепёшек пшённых, таких маленьких и вот на санки и полезешь туды *снёту(?)*. Так от (...) тебе *даду́*, что *яны* там *купля́ли* это лепёшек, есть то хотят! Так вот *тада́ бяри́* сколько *хошь*, а то не *даю́* брать *сняты́*. А то ведь *тя́ну* с него, так он кружится (...) *сняты́*. Так вот народ *бярё́* это *йих*. Домой-то. (смеётся). Есть-то. *От* *кака́* роль.

Д.: А здесь мутником не ловили?

П.С.: Нет, нет, мутника не было. *Мо́же* *пре́жни* годы и *бы́вши* говорили в темноте, *када́* нас не было *ишо́*. А тут уже не стало.

Д.: А вот различаете рыбу по величине, скажем. Вот здесь большая рыбина, а здесь вот маленькая рыбёшка. Вы их как-нибудь называете по-другому? Вот маленькая щука, большая щука. Маленькую щуку как называете?

П.С.: Да тоже — *ма́ленька ишу́ка*.

Д.: Маленькая щука. А вот (... щадёр?) — большая, а если маленькая?

П.С.: (Щадёр), а маленькая, это *ляичи́* называем. Как это?

М.: Подлещик!

П.С.: Да, да. Там эти...

М.: Гайгара.

П.С.: Да, *такá*.

М.: Лйипка.

П.С.: Вот липка.

М.: Ребро.

П.С.: *Ма́ленька* рыбка.

Д.: Маленькая рыбка называется, да? А ещё вот как?

П.С.: *Ка́жной* рыбки звали.

Д.: Вот видите! А вот большого судака, маленького различаете как-нибудь?

П.С.: Да как! *Ма́ленькой*, так видать, что он *ма́ленькой*!

Д.: А называете как-нибудь?

П.С.: Ну судак.

Д.: По-другому.

П.С.: Не. *Суда́чо́к* *ма́ленькой*, вот *ма́ленькой* *суда́чо́к*. *Шшу́ка* *ма́ленька*, *от* так. *Така́* же, *такó* званье только что маленькая, а то большая от.

М.: А щука одна не ходит наверно весной?

П.С.: А вот не знаю.

М.: (...) или как этих на людях-то называют? Верлаки?

П.С.: Да, *верлакí*. Не знаю как. Я мало ездила *на́зеро*.

Д.: Вот какую-то маленькую рыбу называли арестантом, у вас не называют?

П.С.: Не знаю. *Мо́же* кто *ло́ви* рыбу, так и знает.

Д.: А какая рыба всё же, така, самая вкусная? Какую Вы любите?

П.С.: (смеется) Никакую! У этой, как её, лодки-то (...), как их называют?

М.: Вобла.

П.С.: Вобла-то! Вобла. Так вот *эти* они были каких-то двое *при́ехавши*. Иконы собирали, а что *яны́* тут. У вас были?

М.: Нет.

П.С.: Так в одно *ля́то* *плóтки* *э́таки* *нарвё*. Сырая, тока на тумбочке *посуше́на*. А я *никады* не (...).

Д.: А вот чужие хотят, чего только не едят!

П.С.: Ну вот так *лю́ды* говорят, что вот пиво *пы́о* так *заку́сываю*. Они солёная-пресолёная.

Д.: Ну как рыбу раньше хранили? Для себя, всё-таки впрок готовили?

П.С.: Ну как же! *Вычи́стишь* да *вы́моишь*, да посолишь солью.

Д.: Солили больше?

П.С.: Да. Было летом не *посоли́вши*, так что — сразу *червь* *бу́ут*.

Д.: Ну как солили рыбу? Ну какую рыбу солили?

П.С.: Да всякую!

Д.: Ну какую?

П.С.: Ну и *плóтки* да...

Д.: Тоже солили?

П.С.: Да. Младшим *детя́м* мы не солили свежую. Это *пла́сты* вялили да...

Д.: Вот как!

П.С.: Да.

Д.: Это *щебе́ру*?

П.С.: *Щабе́ру* вялую вот выпластаю, вымою, *посо́лю* солью. Там день-два тада вот на солнышко вывалю. И продавали. *По́* два *ру́бли* килограмм *было* тут недавно.

Д.: Да, это хорошая рыба.

П.С.: Там большую *ле́шчи*, так...

Д.: Это мясо уже, настоящее.

П.С.: (...) И вон эта *жёнка* *накупля́ла* так вялой-то рыбы. Вот поехали они на пароходе. *По-раньше* пароход ходил. Да нет, это недавно! И вот, и она *набра́ла* от Маруськи там за сорок рублей рыбы, *дык* *ча́во*-то в *че́модан* и поехали. А *э́такой* (...). Там *яны́* это *вы́пивши* и она тоже *пила́* и курила и он взял *дык* и *че́модан* с рыбой выкинул вон. Ну что делать?! Выкинул, да он такой скандалить это очень. *Ишо* в своих *лю́дях*. (...) а деньги-то? Племяннику везли-то. Ну тут приехала и Оверька, что в *няму́*, что как это так. А *йон*, выгнал вон и всё. И она *на суд* не *по́дала* и так. Пропало всё. Рыба-то была *хорошу́шшая* была. И с *че́моданом*, всё.

Д.: Почему ж это так?

П.С.: Ну так *вонí* (...) -то лучше так. Это-то нет, это не слышал, тогда болел. (...) *Моло́дая* (...). *Шо* на том *получа́е*, *шо* она *моло́дая*. Вот...два сына. Так *от* сын-то один *де-то* в *Россеи* там, *жани́лся от* тут недавно, *после* матери. А другой тут где-то *за́* городом. Тоже *взя́та* *кака́-то* с *двум* *детя́м* *жёнка-то* *живё*. А вот Олежка-то один так и живёт. Ему *да́на* квартира, он в нём. И

- тада*-то был не один, а он ведь это, *сляпой*. Так *работает* *ишётки* *глядют* там где. Вот *яму* дали *таку* *квартилу* хорошую, трём комнатам. Вот так.
- Д.: И где вот это?
- П.С.: Да вот в Тарту. Ну, на *гору*-то так как пойдёшь, так *под горы*. *Гора*-то там (...), дальше-то *гора*, *гора*. (...) несколько домой. Всё. Так вот и он там живёт. Звал меня, что поедem ко мне жить. А я говорю: я с тобой не пойду, пьяница! (...)
- Д.: Ну, а ещё как *рыбу* всё же готовили? Раньше.
- М.: Жарили, парили.
- П.С.: Ну...жарили и уху там делали.
- Д.: А что такое уха?
- П.С.: Да вот *рыбину* сварить, да *от* этакая вода-то и хлебай!
- Д.: Правильно.
- П.С.: Да. Так и называли. Надо ухи сварить. *Дык* а уху-то пустую не сварить, надо положить, от картошки в уху да *рыбину*. Вытягашь на тарелку, уху хлебать.
- Д.: А зимою как готовили *рыбу*?
- П.С.: Да тоже так.
- Д.: Уху варили, а кроме ухи что ещё вот? Что ещё вот, как готовили раньше *рыбу* ещё?
- П.С.: Ну жарили на *сковороды*.
- Д.: На *сковороды*, да. А ещё?
- П.С.: Да парили. Да кто как!
- Д.: Да. А у Вас хорошая печь, я вижу, русская печь, да?
- П.С.: Да.
- Д.: Так. Ну а в печи тоже готовили *рыбу*?
- П.С.: Ага. В *печке*-то лучше жарить-то *как на плиты*. Она зарумянится, да. А вот на *плиты*, так белая рыба.
- Д.: Да. Верно, верно. Варёная рыба. А в *печке* уже будет хорошая. Настоящее жаркое!
- П.С.: Да! Ну *иногда* мы же так это обжарим (...).
- Д.: Да.
- П.С.: Как быть водой, другой раз на масле обжаривали *рыбу*.
- Д.: Да.
- П.С.: Всяко.
- Д.: Угу. А вот с *икрой* что вы делали?
- П.С.: *Свекровы*?
- Д.: С *икрой*, с *икрой*.
- П.С.: А, с *икрой*. А раньше покупали *икру*. Ездили *каки*-то. И *от* это нацедишь с *сигов*-то, *брюхо*-то там надо резать, незаметно. А там это *пупыренькая*. Вот там как нажмут *брюхо* *сига*-то, вот и *потекёт икро*-то. Вот это-то *икро* надо полить, разлить его и тогда воды туда прибавляю, размешаю. Да как застынет...*от* какое *икро*, *тада* (...). (...) приехали за *ик...*за *икром*. За *икром*.
- Д.: А вот с *щуки икро* большая бывает, крупная. Что с этого *икра* делали?
- П.С.: Я не знаю. Ели.
- Д.: И вы выбросили?
- П.С.: Да, *выброшут*. Бывало это, при *эстонской*-то власти было, так, *икро*-то знаешь в *толкучке* растолкут, так лепёшки *пакли икряные*.
- Д.: Вот как!

П.С.: Ага! Вот растолкут да муки-то пшённой и вот и *пякли такі* лепёшки. Они вкусные. Всякое вот.

Д.: Даа. А вот у налима-то много это...если точно...как это по-вашему, максó, или как это называют?

П.С.: Да, вот *максó*-то! Налим-то не (...) *максó* (...).

Д.: А вот. Я-то знаю, да. А Вы тоже с максó любили?

П.С.: Любила! И с *икрó* люблю есть тоже.

Д.: Тоже, да.

П.С.: Да.

М.: Сырое или как?

П.С.: Не, я сырое (...), когда (...) это делаешь-то поешь так. Бывало ели, луковинку покрошишь *туды́ солёну* да и с хлебом поел.

Д.: Это икро так ели, да?

П.С.: Икро ели, да.

Д.: Прямо так по зёрнышкам? По большим?

П.С.: Там вычистят, там *кады́ бушь* разбивать, *дык* там *такі́ павутіны*. *Дык эты павутіны* всё вот выберу, вон выколочу там, вилками, чтобы только там *онны́* крупинки были *чистые*. Вот тогда и *едя́* это. А *за́* таким, так *недóбре*. Да.

Д.: Ну, не жарили икро никогда?

П.С.: Икро-то?

Д.: Да. Или варили. Не варят?

П.С.: Не знаю. *Дык* рыбину то сваришь, так и с *икром*!

Д.: Ах вот как!

П.С.: Да.

Д.: (...)

П.С.: Да.

Д.: А вот с налима, вот эта печень налимя, да? Или как это...максó, да? Вы как-нибудь готовили по-особому?

П.С.: Я уже и не помню. Ну *максó*-то, налим, этот то ели бывало на студни-то на тарелки. И *максó* сварится там. По тарелкам студень *раскладáешь* это рыбу и *максó* нарезаешь.

Д.: Так что налим больше в студень, да?

П.С.: Да. И *ишу́ка* на студень.

Д.: Вот как! И с щуки тоже студень можно варить?

П.С.: Да. С *ишуки*-то лучше *то* с налима студень.

Д.: А как налим ещё ели?

П.С.: (смеется) *Жáрили, вáрили!*

Д.: Всё делали?

П.С.: Всё делали с *онногó* налима.

2.2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К РАСШИФРОВКАМ

Ниже будут перечислены и распределены по языковым уровням все выявленные нами в расшифрованных записях диалектные явления.

2.2.1. Фонетика

КОНСОНАНТИЗМ

1. «Ч» ТВЕРДЫЙ

бочки, к вечеру, вычистишь, девчонкой, кирпичи, крючки, крючок; лучок, мальчишка, местечко, на колечки (3 раза), научусь, начавали, начали, ничего (2 раза), ничём, печку (2 раза), печки (2 раза), печка, печку-то, печонком, печке; от севочек-то, сейчас, судачок (2 раза), толкучке, хочу, чаво, чатыре (2 раза), чашка, человека, чемодан (2 раза), чемоданом, через (2 раза), чистые, шишучка

2. [ШЧ] («Ч» ТВЕРДЫЙ)

расчёты, высчитают, считают, считали, считается

3. [Ш'Ш'] ПЕРЕХОДИТ В [ШШ]

товаришши (2 раза), лешии, почашие, хорошущишя, шиётки, шишучка (3 раза), с шишуки-то лучше то с наlima студень, шишучка, шишуки

4. [Ш'Ш'] ПЕРЕХОДИТ В [ШЧ]

лешчи (3 раза), ляшчи́

5. [Ж'Д'] ПЕРЕХОДИТ В [ЖЖ]

после дожа, дожжя́ нету, кажжый

6. [ДН] ПЕРЕХОДИТ В [НН]

в онну, онной, я вот онная, онна́, онны́, с оно́го, а́нна, трунно, голонный, всё ранно

7. [РН] ПЕРЕХОДИТ В [НН]

вённо

8. [ЖД] ПЕРЕХОДИТ В [ЖН]

ка́жной

9. СМЯГЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СОГЛАСНЫХ

*сь ребята́ — смягчение [с] перед мягким сонорным
посьле (3 раза) — смягчение [с] перед мягким сонорным
эсьтонцам — смягчение некоторых согласных
сьперва — смягчение зубного перед мягким губным (старшая норма)*

сьвекровы — смягчение зубного перед мягким губно-зубным
черьви

10. СМЯГЧЕНИЕ КОНЕЧНОГО СОГЛАСНОГО

могеть (может) — мягкий [т'] на конце слова + отсутствие чередования *г / ж*
потекёт его - мягкий [т'] на конце слова, отсутствие чередования *к / ч*
чёрвь (3 раза) - полногласие + смягчение конечного согласного

11. ВЫПАДЕНИЕ СОГЛАСНОГО

буут, гоорит, инода, хоит

12. ТВЕРДЫЙ СОГЛАСНЫЙ НА КОНЦЕ СЛОВА

восем, очен, червы (2 раза)

13. МЯГКИЙ СОГЛАСНЫЙ ПЕРЕД НЕКОТОРЫМИ СУФФИКСАМИ

эстоньськой, эстонськи, эстоньской

14. ДИЭРЕЗА

(г)де-то (2 раза) — диэреза согласного в начале слова (разг. явление), *кажый, он*
(вон)

15. ГУБНО-ГУБНОЙ [V] НА МЕСТЕ ГУБНО-ЗУБНОГО [В]

два раза у лето, усё

16. «Г» ФРИКАТИВНЫЙ

я ня грамотная

17. [Ш'Ш'] ПЕРЕХОДИТ В [Ш]

ишо (9 раз)

18. ВЫПАДЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО СОГЛАСНОГО

от (42 раз) — вместо частицы «вот»

19. ПЕРЕХОД [Ц] В [Т]

хлёбет привезёт

20. ИНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

шо (3 раза)

павутіны (2 раза)

торговаль — влияние эстонского полумягкого [l]

ложиша (ложишься)

тошно (точно)

воні (они)

шук

пуцай

квартилу

алимєневый — упрощение групп гласных + редукция [у], аллюминиевый

ВОКАЛИЗМ

1. ЯКАНЬЕ

бярут, бярі́, вясной, с вясны, до вясны, зямлю́ (2 раза), к зямлі́, набяру, бярэ́, пляты, привязут, свяжут, прядёшь, някла, някли (3 раза), разбярёшь, с дытишками, свякрови, тякут, чтобы яны не унесло, яны (они) (3 раза), я ня грамотная, сняты́ (3 раза), икрянё́е, ля́то, ляшчі́, нявестку, няму́, сляпой, яму

2. АКАНЬЕ

анна, жані́лся, начавали, рабят, серца́ед, та́перь (10 раз), та́перь-то, ца́лый, щабе́ру (щебе́ра)

3. ТВЕРДЫЙ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЙ НА ИСХОДЕ ОСНОВЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *маленькой (маленький) (5 раз), обор такой ча́стенькой, Янык э́такий*

4. ВЫПАДЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО ГЛАСНОГО

ко́ло, сто́пим

5. В НЕКОТОРЫХ СЛОВАХ НА МЕСТЕ [А] ПОЯВЛЯЕТСЯ СТАРОЕ [Ы]

ту́ды

6. ПРОИЗНОШЕНИЕ ЗАУДАРНОГО [Э] КАК [Ы]

Я́нык

7. ЕКАНЬЕ

э́ти (эти)

ро́жи = ржи (отсутствие чередования)

АКЦЕНТУАЦИЯ

1. СЛОВА, ИМЕЮЩИЕ ОТЛИЧНОЕ УДАРЕНИЕ В НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ

да́на, де́тям, куша́ла, моло́дая (2 раза), на го́ру, на ко́нях, на приста́нях, набра́ла, посóлю, раство́ришь, снёту, сняты́ (2 раза), спи́на

2. СЛОВА, ИМЕЮЩИЕ ОТЛИЧНОЕ ОТ ЛИТЕРАТУРНОГО УДАРЕНИЕ ВО ВСЕХ ФОРМАХ

го́ра (3 раза), за икро́м, с икро́м, к зямлі́, ко́нопли, моло́дым, на́лим, озёры, привя́зь, семя́ны, се́менный (2 раза), се́менной, толсты́е, угóрь

3. ГЛАГОЛЫ ПР. ВР. Ж.Р. С ОДНОСЛОЖНЫМ КОРНЕМ ИМЕЮТ УДАРЕНИЕ НА ОСНОВЕ

бы́ла (3 раза), про́была, жи́ла (3 раза), на суд не по́дала, о́тдала, ро́стила (2 раза)

4. ИНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (разговорные?)

тады (2 раза), *тада* (17 раза), *туды* (2 раза), *када* (4 раза), *никада*, *никады*, *кады́*, *куды* (2 раза), *никуды*, *ничо*, *сёня*, *тама*, *мож*, *эт*, *заплóтишь*, в *Расеи*, *Россе́и*, *откудова*

по́ два ру́бли, *за́ таким*

моёго — классы слов с особым ударением

около *бе́режка* *вы́мечут* бывало

посуше́на — *высушена?*

Ишо в своих *лю́дях*

Вот у меня *бало* (бывало)

А что ж *те́рь* делать

2.2.2. Словообразование

кормы́нь — корма (суф. -ынь)

небольшё́нькая — небольшая (суф. -еньк)

пораньше (в значении 'ещё раньше, до этого') пароход ходил

посуше́на — *высушена*

2.2.3. Морфология

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

1. ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ СЛОВА «СВЕКРОВЬ» ДАННОГО ГОВОРА

со *свёкор* и *свекрова*, *свекрова*, со *свяхров*, *свекровы*, *сьвекровы*

2. СУЩ. Ж.Р., 1 СКЛ., ЕД.Ч. Д.П. И П.П. ИМЕЮТ ФЛЕКСИЮ –И/-Ы

он был на *войны*, поставят *вясны* (*весной*), жили вот в той *избы*, был на *горы́*, лучше жарить-то как на *плиты*, вот на *плиты*, ну жарили на *сковороды*

3. ФОРМА Т.П., МН.Ч. ИНОГДА ИМЕЕТ ФЛЕКСИЮ –АМ

со *свинья́м*

в *два́ ряд*

в *о́зери* — окончание –и в П.п., ср.р., ед.ч.

восем(ь) год — использование слова *год* на месте литературного *лет*

гла́зы — в форме И.п. мн.ч. высокую активность проявляет флексия –и/-ы

лю́ды говорят — у сущ. мн.ч. окончание –и в некоторых случаях заменяется окончанием –ы

на пять *магазин* было — некоторые сущ. Р.п., мн.ч. имеют нулевое окончание

о́бручев - окончание –ев в Р.п., ед.ч., м.р.

по́ два ру́бли

под горы́

с двуми́ детьа́м

ГЛАГОЛ

1. 3 Л., ЕД. И МН.Ч., ОТСУТСТВУЕТ КОНЕЧНЫЙ «Т»

бярэ́, вот пиво пью́ так закусываю, вырасти (вырастет), говори́, даду́ (дадут), даю́(дают), едя́ (едят), живё́, лóви, люди их обожа́ю, мо́же (3 раза), нарвё́, не хотя́, пойдё́, падае́, получа́е, попаде́ (6 раза), попада́е, поставя́, приде́ (3 раза), пройде́, сахар-то купи́ было не так; стрелять бу́ду в окна, бу́ди, тяну́

2. ГЛАГОЛЫ ВТОРОГО СПРЯЖЕНИЯ 3 Л., МН.Ч. ИМЕЮТ ОКОНЧАНИЕ ПЕРВОГО СПРЯЖЕНИЯ

Выбро́шут, выво́зют, увозю́т, не возю́т, вытащю́т, выхо́дю, гладю́т, ездю́т, замесю́т, накосю́т, поса́дют, хва́лют (2 раза)

3. УСЕЧЕНИЕ ОСНОВЫ

бушь, вытряхатъ, вытягать, кто хот её купить, купляю то, что е картошки; хошь — иди, не хошь — не ходи (4 раза) — 3 спряжение

4. ОТСУТСТВИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ

пекём, напекём, потекёт, спустю́

5. ЧЕРЕДОВАНИЕ П / ПЛ В ИНФИНИТИВЕ И В ФОРМАХ ПРОШ. ВР.

купля́ли (2 раза), накупля́ла, накопи́ли

6. ВЫПАДЕНИЕ СУФФИКСА -А-

вя́зли (4 раза), вяза́ть (3 раза)

7. ОКОНЧАНИЕ [С`С`] У ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ

выучи́лся, плод появля́лся

8. МЯГКИЙ [Т], ХАРАКТЕРНЫЙ ДЛЯ ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРОВ

иде́ть, любя́ть

9. СУФФИКС -ТЬ НА МЕСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО -ТИ

не пойдёт роса́ — глаголы, имеющие в ЛЯ суффикс «ти», в говоре имеют суффикс «ть»

10. ИНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (разговорные?)

отпёрли́ся — вместо постфикса «сь» употребляется постфикс «ся»

Вот туда вот ложь (клади)

подымаю́

раскла́дaешь

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ И МЕСТОИМЕНИЕ

1. СТЯЖЕНИЕ

белы да красны, всяко, глубо́ка, деревянна, друго-то дело, кака-то, каку́-то, кака́ (4 раза), *каки́, которы, крóшеина, ма́ленька* (5 раза), *ма́леньку* (2 раза), она *высо́ка, от таку* (2 раза), *та́ка* (5 раза), *таки* (5 раза), *такó* (2 раза), *этаки, прэ́жни, солёну, ста́ра* (2 раза), *стары, кака́-то*

2. В ИСХОДЕ ОСНОВЫ ТВЕРДЫЙ СОГЛАСНЫЙ

са́мы (2 раза), *тым (том), эты* (3 раза), *эты-то, этый, яны́* (они)

3. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ ИМЕЮТ НАЧАЛЬНЫЙ «Й»

йих (2 раза), *йон* (2 раза), *йон-то*

4. ВСИ

мы вси — форма именительного пад. мн. числа местоимения *весь*, северо-западно-русская черта

5. ИНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

красныи — членные формы имеют двусложные окончания во мн.ч. всех косвенных падежей

Да всяким (всякими) — форма Т.п. мн.ч. знаменательных и местоименных прилагательных имеет флексию -им (-ым)

ни с *чим*

Ну а *чой* поделать

россе́йски

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

На *двѣ*

НАРЕЧИЕ

недалече = недалеко (2 раза)

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ТАК

дак (3 раза), *дык* (8 раза), *тык* (2 раза)

али — характерно для южнорусских и среднерусских говоров

2.2.4. Синтаксис

1. «РУССКИЙ ПЕРФЕКТ», ДЕЕПРИЧ. В РОЛИ СКАЗУЕМОГО

бы́вши, была́ прише́диши, вы́пивши, вы́шедши, и родивши там, наклоні́вши, посоли́вши, при́ехавши, уехав, утону́вши

2. ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ СОЧЕТАНИЯ

по невесток, *по* свекровы — *по* + Род.? значение?

сядет *в нос* (на носу лодки)

Ишо *в своих людях* — управление (предлог *в* + П.п. вместо *у* + Р.п.)

на суд не подала

**сь ребята* — особенности Т.п. данного говора

3. НЕСОГЛАСОВАНИЕ ПО РОДУ

И вот *этой* луб

На сухой землю *чёрвь* не идё

2.2.5. Лексика

В ЛЮБО́М = в любом случае: так ты *в любом* впихнёшь горшочек-то

ВЕРЛАКІ́ — ?

ВОВСЮ́ДУ = везде, повсюду: *тада* это ведь, *бы́ла* власть-то царская, так ездили *вовсю́ду*.

ГОРА́ = берег: за *горой* вон тут у нас поле.

ДВА = вдвоем: вот со свекрова *два* и жили

ДО́БРА = довольна: так я *до́бра*

ДЫБО́М = вертикально: стояла бы *дыбо́м*

ЖЁ́НКА-ТО = жена

ЗАМЕ́ШКИ = нераспаханный край огорода: ну всё *накопляли*, где по *замёшкам*, где по кустам. Вот *накосют*.

ЗАПА́СИНА = рыболовецкая сеть

ЗВА́НЬЕ = название: *такó* званье только что маленькая, а то большая *от*.

ИКРО́ (5 раз) = икра: вот там как нажмут брюхо сига-то, вот и *потекёт* икро-то.

И́НЧИЙ (2 раза) = другой: *в и́нчий* раз много, а *в и́нчий* поменьше, *кака́* вода.

КАК = чем: что мукой нам лучше, *как* хлебом

КВАШО́НОЧКА, КВАШО́НОЧКИ = посуда для замешивания теста, кадка: ну...квашоночки такие большие, у кого семья, так поболе.

КОРОСТЫ́ = вид чесотки, струп [МСРСГП 1963: 129]

ЛАДЮ́Т = делают: нет, таких то, что *ладют*, их тут всё.

ЛІ́ПКА = вид рыбы

ЛУ́Б = Небольшой рыбацкий домик на полозьях, который вывозится на лёд, когда он окончательно окрепнет, и увозится на берег после окончания сезона зимнего лова рыбаки. Из «лубов» на озере возникали целые посёлки.

[СГСЭ 2008: 83]: и вот *этой* луб, чугуночку там *каку́-то* *поставя*, эти там запас переберёшь-то, походишь, идёшь долбишь и *ложииа* спать там.

ЛУ́КОВИНА (2 раза) = луковица: ну, *када* большая *луковина* выращивается

МАКСО́ (5 раз) = печень: Да, вот *максó-то*! Налим-то не (...) *максó* (...). Д.: А вот. Я-то знаю, да. А Вы тоже с максо любили? П.С.: Любила! И с *икро́* люблю есть тоже.

МЕРЕ́ЖКА, МЕРЕ́ЖКАМ, МЕРЕ́ЖИ, МЕРЕ́ЖЕЙ — приспособление для ловли рыбы: бывало *придё*: эй, вставай, ступай за *мере́жкам*.

НАДДЫМА́ЕШЬ = поднимаешь: *дак* с Колей вот и там *наддымаешь* и везде.

НА́ЗЕРЫ, НА́ЗЕРО = на озеро: со свёкром ездила я *на́зеро*.

НАМЁТ (6 раз) = кол для верши, сети; жердь, к которой крепится сеть и верхний конец которой виден над водой. По намётам рыбаки находят свои заколы. [Очерки III: 234]: со свёкром ездила я *на́зеро*, он сядет *в нос*: а, где наш *намёт*!

НЕДО́БРЕ = нехорошо

ОБОР (5 раз) = вид рыболовецкой сети: *Говори́*: пошли *о́бором*, так мы ловили *плóток*.

ПАЛА́ТНИК (2 раза) / ПАЛА́ТИ = полаты для просушки лука: Так лук, который *се́менной* вырастет, это на *палáтник*, так...а большой продадут.

ПЕРЕБА́РЫВАЮ = перебираю: *Тада спустю́, перебарываю* снова, опять *подымаю*

ПЕРЕМЁТ, ПЕРЕМЁТОМ - орудие лова, главным образом хищной рыбы, тип крючковой снасти; состоит из прочной бечёвки и прикреплённых к ней коротких поводков с крючками, на которые насаживается приманка. (<http://ru.wikipedia.org/wiki/перемет>): ну пятьсот, это так *перемёт считали*.

ПЕСУ́К (3 раза) = вид рыбы (пескарь?): Бывало *придё*: эй, вставай, ступай за *мере́жкам* (...) (вороны и аршины)! *Песуки́* украдут! (смеется) И пойдёшь *запа́сенку-то* тягать. *Песуки́* были-звали, *такí* хорошие, большие. Д.: Песуки, что такое песуки? П.С.: Ну это рыбина, такое *название* — *песу́к*. Я не знаю. *Такá* *небольшéнькая*. И с *пупка́м*, жирная.

ПЛОДЛÍВЫЙ = дает много плодов: три, где *чатыре*, если *плодливый* <лук>, так там пять-шесть, так и три

ПЛО́ТКИ (4 раза), ПЛО́ТОК (2 раза) = плотва (рыба) [МСРСГП 1963: 220]: *плóтки* — *мáленька* рыбка.

ПОБО́ЛЕ = побольше: квашоночки такие большие, у кого семья, так *побóле*

ПО́ДПОЛ, В ПО́ДПОЛ, В ПО́ДПОЛЕ = подвал: вот мы в *подпол*, в погреб *туды*.
 ПОЛУВЕРЕЦ, ПОЛУВЕРЦАМ = разновидность сетей: А *которые*, это, *почаишие*, так *полувёрцам* называли.
 ПОЛУЖЁНАЯ = эмалированная: она *полужёная*, белая, там котелок всё, как его...*чашика*.
 ПУПКÍ = икра, молоки: Ну это рыбаина, такое *название* — *песу́к*. Я не знаю. *Така́* *небольшёнькая*. И с *пупка́м*, жирная.
 ПУПЫ́РЕНЬКАЯ = с пупырышками: а там это *пупы́ренькая*.
 РАСТВО́РИШЬ = разведешь тесто: и вот *растворишь*, вечером-утром замесишь и *печку* стопишь.
 РИСЦЫ ³РÍСТЫ (3 раза) = вид рыболовецкой сети: Да зовём *ри́сты* наверно. Д.: Ристы, да? Это сетка какая-нибудь? П.С.: Ну такая (смеётся), я не могу рассказать. Как *бocchi* большие такие вот, там (...) натянuty. Вот *коло́* *озёры-то* и поедут *вытряхать* вон.
 РО́ДА = родня, родственники (281): у нас тут в наших *родах* мало кто грамотный.
 РОЖЁНЦЫ = вид рыболовецкой сети: Да. *Рожёнцы*, так их называют. Д.: Это какие? П.С.: Ну вот большую рыбу (...) ловить, *эт леишии*. Это-то редкую в *запасе*.
 СА́ДНИ = садок: прежние-то годы вот в город приедешь *онна́*, такие *са́дни* были на *пристанях*. И оттуда-то вот живую рыбу и сажали, *от* она там *хоит*. Кто *хот* её купить, живую рыбу *от* так кошелём и достанут, как из лодки.
 ЧЕРЬВЕЕТ (о луке) = становится червивым: *червьееет* лук
 ЩАБЁР, ЩАБЁРУ = лещ: *щабёру* вялую вот выпластаю, вымою, *посóлю* солью.

2.3. ДИАЛЕКТНЫЕ ЛЕКСЕМЫ И ПАРЕМИИ ИЗ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Ниже приведены диалектные лексемы и паремии из материалов Эстонского литературного музея. Приведенные ниже единицы были расшифрованы на основании фотографий, сделанных в музее, и включают пословицы, поговорки и поверья, а также некоторую лексику, используемую жителями Западного Причудья. Для более удобного поиска нужных материалов мы приводим номер фотографии, на которой они представлены (имеются в виду фотографии

материалов по говорам староверов из Литературного музея, размещенные в дигитальном архиве кафедры русского языка ТУ).

Именно эти архивные данные расшифрованы нами в связи с тем, что они представляют собой собственно лингвистический материал (остальные архивные данные почти полностью являются фольклорными текстами: загадки, частушки, считалки, сказки, описания обрядов и праздников и т. д.), который может быть использован в дальнейшем при сборе, публикации и лексикографировании языковых данных о говоре староверов. Лексемы касаются, в основном, рыбной ловли и на фотографиях видны рисунки, которыми они сопровождаются.

Приведенные диалектные лексемы и поговорки записаны в дер. Межа (Пийриссаар), по-видимому, у Иллариона Кирилловича Горелова (старовер, 51 год). Год записи неизвестен, но в начале соответствующей тетради приводится помета, сделанная красной ручкой: Saadud 28 I 41, то есть 28 января 1941 г.? (см. фотографию P5238170).

P5238206

Сикуша — крючок вместе с леской, на которой он привязан.

Бракт — колечко, на котором держится крючок.

Яма — леска, которой привязан крючок.

Клещица — ей вяжут сети.

Виска — ею оттягивают сети, когда их вяжут.

Рисчики — сети, которыми ловят угрей, плотву зимой у берегов.

P5238207

Чулок — сеть, поставленная определенным образом.

Ленник, в Пск.обл. — утёпка — туда привозят лед и в нем сохраняют рыбу.

P5238306

ПОСЛОВИЦЫ.

Не верь козли в капусте, а волку в овчарне.

С родной стороны и ворона милее.

Друзей-то много, а друга нет.

Живешь — не с кем покалякать, помрешь — некому поплакать.

ПРИМЕТЫ.

Правый глаз чешется (плакать).

Собака воет (покойник).

Правая ладонь чешется (здороваться).

Ложки упали (женщина придет).

Кот моется (гости будут).

Чайки кричат (буря будет).

P5238309

ПОСЛОВИЦЫ.

Брось хлеб-соль назади — очутится впереди.

Добрые люди умирают, а дела их живут.

Хвастать не косить — спина не болит.

У ленивого что ни день — праздник.

Худо тому, кто добра не делает никому.

Свой своему поневоле друг.

Хоть мошна и тучна, да пуста голова.

Держится авоська за небоську, да оба упали.

P5238313

ПОСЛОВИЦЫ.

Кто грамоте горазд — тому не пропасть.

Не спеши языком — торопись делом.

Отчего кот гладок? Поел да на бок!

Весна красна цветами, а осень — снопами.

P5238317

ПОСЛОВИЦЫ.

Век живи и век учись — дураком помрешь.

Тише едешь — дальше будешь.

В тихом болоте черти водятся.

Тихое море — глубокое дно.

Спящему коту мышь в рот не ползет.

ПРИМЕТЫ.

Собака валяется — дождь будет.

Кости болят — худая погода.

P5238318

ПРИМЕТЫ.

Правая ладонь чешется — деньги отдавать.

Левая ладонь чешется — деньги получать.

Собака воеет — пожар будет.

Кошка траву ест — буря будет.

Радуга — хорошая погода.

Столбы воют — сильный ветер будет.

Нос чешется — покойник.

Правый глаз чешется — плакать, а левый — радоваться.

След чешется — дорога.

Лоб чешется — стыдиться.

P5238325

ПОСЛОВИЦЫ.

Чужая кадка — родная матка.

Совет да любовь — на том свет стоит.

В семье все за одного, а один за всех.

На что и клад, коли в семье лад.

Своей бедой всяк себе ума купит.

Упрямство до добра не доводит.

Видит кот молоко, да рыло коротко.

Много захочешь — последнее потеряешь.

Не гони коня кнутом, а гони коня овсом.

Где любовь, тут и Бог.

Труд человека кормит, а лень портит.

Работа и мучит, и кормит, и учит.

Бог труды любит.

В сиротстве жить — слезы лить.

Р5238327

ПОВЕРИЯ.

У каждого свое горе и свои несчастья. Люби своего ближнего, как самого себя.

У кого был кол, у того и камень. У кого есть matka, у того и голова гладка.

Р5238338

ПОСЛОВИЦЫ.

Замуж идет — песни поет, а вышла — слезы льет.

На чужой стороне и весна не красна.

При солнышке тепло, при матери добро.

Нет такого дружка, как родная матушка.

Дай сердцу волю — заведет тебя в неволю.

Поставишь отца к тыну та доведется сыну.

Р5238342

ПОСЛОВИЦЫ.

Не помажешь — не поедешь.

Не плюйся в колодец — придется водицы напиться.

Все может случиться, что богач к бедному постучится.

Р5238347

ПОСЛОВИЦЫ.

Если бы да кабы во рту росли грибы, так был бы не рот, а огород.

Опустишь — огонь не потушишь.

Р5238028

ПОСЛОВИЦЫ.

Детей больше, чем грехов. (Муствее)

Р5238124

ПОСЛОВИЦЫ.

Тихая вода берег подмывает.

Правда светлее солнца.

Правда чище ясна месяца.

Кому счастье, кому несчастье.

Холодно, на ком одно.

А и вдвое, да худое.

Так же ровно холодно.

ПОГОВОРКИ.

И тихие воды глубоки, и тихи, да лихи.

Чужим умом не купишь дом.

Муж в дому, что хан в Крыму.

Муж жене пастырь, а жена мужу жалтырь.

Приведенные в разделах 2.2.5 и 2.3 диалектные лексемы и поговорки требуют уточнений в плане их значения, употребления и известности современным носителям говора. Такой материал может послужить отправной точкой для полевых исследований, в первую очередь, на острове Пийриссаар.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель настоящей работы заключалась в том, чтобы составить перечень источников диалектного материала для изучения говоров старожильского населения Западного Причудья, а также дополнить эти материалы, найдя и прокомментировав не описанный ранее текст: аудиозапись речи жительницы острова Пийриссаар. Кроме того, как подготовка к дальнейшему обследованию говоров, была сделана расшифровка лексем и паремий, большей частью не включенных в изданные источники, собранных на острове Пийриссаар предположительно в первой половине XX в.

Работа начинается с краткого описания быта, обычаев и фольклора староверов Западного Причудья, основанного на различных источниках. Кроме того, в качестве подготовки к анализу диалектных явлений были прореферированы научные статьи, посвященные исследованию интересующего нас говора староверов, которые содержат описание диалектных особенностей говора и влияние на него эстонского языка.

Материалы для изучения диалектов содержатся в следующих источниках:

1. Словари говоров староверов: Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики (1963) и Словарь говоров староверов Эстонии (2008).

2. Архив записей говора староверов Лаборатории экспериментальной фонетики ТУ, доступный в электронном виде по адресу http://www.murre.ut.ee/arhiiv/otsi.php?mida=vanausulised&otsi_andmebaasist=Otsi.

3. Материалы архива Эстонского литературного музея. Благодаря этим материалам нам удалось дополнить картотеку диалектных слов староверов Западного Причудья, находящуюся на кафедре славянской филологии Тартуского университета, а также, получить дополнительную информацию о фольклоре жителей острова Пийриссаар.

Аудиозапись, помещенная в архиве Лаборатории экспериментальной фонетики ТУ была использована нами в практической части работы, которая представляет собой расшифровку диалектной записи жительницы острова

Пийриссаар, Прасковьи Андреевны Селезнёвой, 1887 года рождения (на момент записи информантке было 90 лет).

Расшифровка состоит из двух частей длительностью 18 минут 49 секунд и 24 минуты 24 секунды. Диалектолог расспрашивает информантку о ее жизни, быте; просит рассказать о названиях рыбы и рыболовных снастей. Расшифровка составляла первый этап нашей практической работы (стр. 22–36).

На втором этапе нами были выявлены диалектные особенности, присутствующие в речи информантки на всех языковых уровнях — от фонетики до синтаксиса и лексики. На стр. 37–45 приводится классификация этих явлений в соответствии с языковыми уровнями и с указанием того, как часто данные явления встречаются в речи опрашиваемой. Также нами была проанализирована лексика, употребляемая информанткой, и составлен словник, в котором, исходя из контекста, было дано определение значений обнаруженных лексем.

Третий этап работы заключался в поиске и расшифровке диалектных лексем и паремий из материалов, полученных в архиве Эстонского литературного музея. Паремии представляют собой пословицы, поговорки и поверья жителей Западного Причудья.

Собранные нами в ходе работы материалы по говорам сатроверов Западного Причудья доступны для других исследователей, так как фотографии диалектных и фольклорных материалов из архива Эстонского литературного музея представлены в полном объеме в дигитальном архиве кафедры русского языка ТУ (ТУ (flve([\\raud.ut.ee\\fl](http://raud.ut.ee/fl)) (V:), папка 00.potapcenko_foto_arhiv_LITERATURNYJ_MUZEJ), а расшифровка диалектной записи и комментарии к ней в ближайшем будущем будут размещены в архиве Лаборатории экспериментальной фонетики ТУ (Tartu Ülikooli eesti murrete ja sugulaskeelte arhiiv).

СЛОВАРИ

1. МСРСГП — В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
2. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—. Ленинград; Санкт-Петербург. 1967—.
3. СГСЭ — О. Н. Паликова, О. Г. Ровнова. Словарь говора староверов Эстонии. Тарту, 2008.
4. СППП — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Словарь псковских пословиц и поговорок. Санкт-Петербург, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. 2004 — *Человек в русской диалектной фразеологии*. Москва.
2. Герд А. С., ред. 2009 — *Северно-русские говоры*. Выпуск 10. Санкт-Петербург.
3. Герд А. С., ред. 2010 — *Лексический атлас русских народных говоров*. Санкт-Петербург.
4. Касаткин Л. Л., Немченко Е. В., Строганова Т. Ю. 1975 — *Русские говоры*. Москва.
5. Коготкова Т. С. 1979 — *Русская диалектная лексикология*. Москва.
6. Морозова Н., Новиков Ю. 2007 — *Чудное Причудье: фольклор староверов Эстонии*. Тарту.
7. Очерки 2004 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. I. Тарту.
8. Очерки 2007 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. II. Тарту.
9. Очерки 2012 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. III. Тарту.
10. Ровнова О. Г. 2004 — О современном языке староверов Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. I. Тарту.

11. Кюльмоя И.П. 2004 — *О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. I. Тарту.
12. Рихтер Е. В. 1973 — *Русское население Западного Причудья*. Таллинн.
13. Н. А. Мещерский, В. В. Колесов, А. С. Корнев, В. И. Трубинский, Л. А. Ивашко, Г. Я. Сими́на, Л. В. Капору́лина, О. А. Черепанова 1972 — *Русская диалектология*. Москва.
14. Шимчук Э. Г. 2003 — *Русская лексикография*. Москва.
15. Лё́ннгрен Т. 1994 — *Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и на Житомищинине)*. Acta Univ. Ups. Studia Slavica Upsaliensia 34. Uppsala.
16. Касаткин Л.Л. 2005 — *Русская диалектология*. Москва.
17. Moora A. 1964 — *Peipsimaa etnilisest ajaloost*. Таллинн.

KEELEMATERJALID
LÄÄNE-PEIPSI PÕLISVENELASTE MURRETE UURIMISEKS
(Litereeritud ja kommenteeritud murdetekst arhiivist)

Kokkuvõte

Töö esimeseks eesmärgiks oli Lääne-Peipsi põlisvenelaste murrete uurimiseks vajalikke keelematerjali allikate nimekirja koostamine. Teiseks eesmärgiks on ka nende materjalide kättesaadavuse parandamine ning täiendamine: 1) Eesti kirjandusmuuseumi arhiivi materjalide kopeerimine ning TÜ vene keele õppetooli digiarhiivisse paigutamine (õppetooli uurijatele kättesaadavuseks); 2) varem mitte uuritud murdeteksti litereerimine ja kommenteerimine; 3) Eesti kirjandusmuuseumi arhiivis hoidvate Piirissaarel tehtud vanasõnade litereerimine ning bakalaureuse töös avaldamine.

Töö 1. peatükk sisaldab murrete uurimiseks vajalikke keelematerjali allikate kirjeldused (lk 18–21):

1) Eesti Kirjandusmuuseumi arhiivi materjalid (nendest oli tehtud 496 fotokoopiaid, mis on paigutatud TÜ vene keele õppetooli digiarhiivis uurijate sisekasutamiseks aadressil [flve\(\\raud.ut.ee\fl\)](http://raud.ut.ee/fl) (V:), kaust 00.potapcenko_foto_arhiv_LITERATURNYJ_MUZEJ);

2) Pihkva oblasti sõnaraamatu kartoteek, kus aga pole leitud tekste, vaid sõnade kirjeldused ja kasutamisinäited kartoteegi kujul;

3) TÜ eesti murrete ja sugulaskeelte arhiiv sisaldab vene keelejuhtidelt tehtud helisalvestisi (kokku 19), mis olid omal ajal Eesti kirjandusmuuseumi arhiivist üle antud (vt: <http://www.murre.ut.ee/arhiiv/index.php>; andmete kätte saamiseks on vaja otsingusse panna võtmesõna *vanausulised*);

4) TÜ vene keele õppetooli käsikirjaline murdearhiiv, mis oli 2011. a. osaliselt korrastatud ning kirjeldatud (M. Tamm poolt), kuid nõuaks digitaliseerimist;

5) murde uurimiseks võib kasutada ka mõned sõnaraamatud [МСПСГП 1963; ПОО 1967-; ЧПНН 2001; СГСЭ 2008], kuigi piisavalt suurt Lääne-Peipsi vene murrete sõnaraamatu pole veel siiani loodud.

Töö 2. peatükk sisaldab kahe murdekõne helisalvestise litereeritud teksti (allikas http://www.murre.ut.ee/arhiiv/otsi.php?mida=vanausulised&otsi_andmebaasist=Otsi):

kõne oli salvestatud 1977. a. Piirisaare elanikust — Praskovja Seleznjova, kes oli sündinud 1887. aastal (salvestise ajal oli ta 90 aastat vana). Litereeritud tekst koosneb kahest osast ning on tehtud kahe salvestise baasil: pikkusega 18 min 49 sek ja 24 min 24 sek (vt lk 22–36). Murdeuurija küsitleb keeljuhi tema eluolust, vanausklike kommetest, kala nimetusest ja kalapüügiriistadest. Litereeritud tekst on varustatud kommentaariga, milles on kõik tekstis esinenud murdejooned klassifitseeritud (vt lk 37–43). Koostatud on ka väike murdesõnade nimestik, kus on ära märgitud sõnade rõhk, võimalusel tähendus ja kontekst (lk 43–45). Litereeritud murdetekst koos kommentaariga on kavas TÜ eesti murrete ja sugulaskeelte arhiivi veebilehele paigutada.

Peale seda 2. peatükis on toodud ka kunagi Piirissaarel kogutud ja praegu Kirjanduse muuseumi arhiivis hoitud murdesõnad (kalapüügiriistade nimetused) ja -vanasõnad (lk 46–50), mis võib edasi kasutada nii murdevälitöödel, kui ka sõnaraamatu koostamisel.

Приложение

Фотокопии некоторых архивных источников диалектного материала
из Литературного музея

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina Alexandra Potapchenko

(isikukood: 49004010027)

annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose

„Языковые данные для исследования говоров старожильского населения
Западного Причудья“

mille juhendaja on Oksana Palikova,

- 1.1.reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni;
- 1.2.üldsusele kättesaadavaks tegemiseks ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'i kaudu kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.
2. olen teadlik, et punktis 1 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus, 02.06.2013

(allkiri)